

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.И. Черемисина

ЛЕКЦИИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

/ Язык. Речь. Текст /

НОВОСИБИРСК - 1970

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. ЯЗЫК КАК ЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	
1. Язык как носитель единственное знание / "умение" /	стр. 5
2. Язык как система правил построения высказываний	
А. Язык как иерархия единиц	стр. 7
Б. Язык как система / иерархия / правил	стр. 12
II. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ	
1. Как наблюдать язык?	стр. 20
2. Категории "язык" и "текст" в истории языкознания	стр. 24
3. Разграничение понятий "язык", "речь", языковой материал	стр. 30
4. Язык как система знаков	стр. 33
III. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
1. Речь как процесс общения	стр. 41
2. Простейшая речевая ситуация	стр. 42
3. Усложнение речевых ситуаций	
А. Разнообразие каналов связи	стр. 46
Б. Разные типы субъектов общения	стр. 51
В. Целевая функция речи	стр. 55
Г. Относительное единство языка	стр. 59
IV. ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ И УСТНОЕ СООБЩЕНИЕ	
1. Термины "сообщение", "высказывание", "текст"	стр. 65
2. Граммпластинка и текст / сходства и различия /	стр. 68
3. Письмо в его отношении к звучащей речи	стр. 73
4. "Вторая семиотическая система", её содержательная сторона и её история	стр. 77
5. Текст как естественный объект	стр. 85
V. ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЯЗЫКА	
1. Условный характер языковых правил / "законов" данного языка /	стр. 91
2. Способы поддержания языкового единства	стр. 93
3. социальное варьирование языка	стр. 97

4. Изменяемость языков во времени.....	стр.103
5. Законы языка и законы изменения языка.....	стр.105
6. Изменения языковых законов и законы изменения языка /"процесс, картина процесса, закон/.....	стр.109
VI. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НАУКИ /...некоторые выводы/.....	стр.116

ЛИТЕРАТУРА.....стр.120

I. ЯЗЫК КАК ЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

I. Язык как непосредственное знание /"умение"/

Что такое язык как явление действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала договориться о том, что мы будем называть действительностью. Слово "действительность" в "Словаре русского языка" С.И.Ожегова объясняется так: "объективный мир во всем многообразии его связей, бытие". В "Философском словаре" под редакцией М.М.Розенталя и П.Ф.Юлиана (М.,1968) действительность трактуется как "объективная реальность во всей ее конкретности. В этом смысле действительность отличается не только от всего кажущегося, вымышленного и фантастического, но и от всего логически (мысленного), хотя бы это последнее и было совершенно правильно, а также от всего возможного, вероятного, но пока еще не существующего" (стр.91). Соответственно этому, книга, которую я держу в руках, принадлежит объективной действительности, а знания, которые я извлекла из нее и которые содержатся сейчас в моей голове, точнее в моем сознании, действительности (в этом смысле) не принадлежат.

Таким образом, действительность - это объективная реальность, а объективной реальностью принято считать все то, что можно наблюдать, воспринимать, ощущать при помощи органов чувств.

Но является ли язык реальностью в этом смысле? Можно ли его ощущать, воспринимать, наблюдать при помощи органов чувств или их продолжения - приборов? На этот вопрос мы, по-видимому, должны ответить отрицательно. С помощью чувств, например, зрения, мы можем воспринимать говорящего или пишущего человека.

Мы можем видеть написанные им буквы и строчки. С помощью слуха мы можем воспринимать звуки человеческого голоса. С помощью приборов мы можем принимать и передавать голос на большие расстояния (телефон) или переводить буквенные сигналы в электромагнитные (телеграф, азбука Морзе). Но для того, чтобы проникнуть в смысл этих звуков, букв или других сигналов, нам не достаточно органов чувств. Понимание высказываний необходимо предполагает участие интеллекта. В нашей голове (сознании) должны быть заранее отложены какие-то знания о том, как, по каким правилам строятся высказывания на данном языке, какие смыслы соответствуют в нем тем или иным сочетаниям звуков. Мы понимаем высказывания только на том языке, который мы знаем. Если язык нам не знаком, мы слышим звуки, видим написанные значки, но смысла их не улавливаем. Органы чувств — зрение, слух, — работают безотказно, но интеллект не может включиться, и чувственные данные остаются переработанными.

Отсюда ясно, что язык — это совсем не то, что говорение. Говорение — это психофизический процесс, который мы можем наблюдать, не понимая того, что говорится. Язык — это и не то, что речь или текст. То есть не "сказанное" или "написанное". Речь и текст — это результат, продукт процесса говорения или писания, а этот процесс в качестве предпосылки предполагает знание языка. Но что же представляет собой это знание? Что именно и КАК именно мы "знаем", когда говорим, что знаем некоторый язык?

Свой родной язык мы знаем очень хорошо, но как-то совсем иначе, чем знаем, например, математику или физику, заканчивая среднюю школу. Особенность языкового "знания" состоит в том, что никто из нас не знает, не помнит, каким образом он получил это знание, никто не может рассказать, в чем оно состоит. Мы не знаем, что именно мы знаем, когда знаем, что знаем свой родной язык.

Такое знание, — в отличие от знания другого рода, которое мы привыкли называть знанием, — можно назвать **НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ**. Это особое "знание", "знание-умение", не отчуждаемое от человека как члена общества. Человек не является еще человеком, если

он не знает (пока он не знает) родного языка. Без языка человек не может осознать самого себя, не может приобретать никаких знаний. Поэтому — то он и не может знать и помнить того, как он овладевал родным языком, что именно и как именно он узнавал и усваивал. Этот процесс происходил до того, как он стал сознательным, мыслящим человеком, и по необходимости протекал бессознательно. Поэтому и знание, полученное таким путем, является неосознанным, непосредственным.

Задаче языкознания как раз и состоит в том, чтобы объяснить нам, что же мы "знаем" этим непосредственным знанием. А это значит, что объект языкознания — это не "реальная действительность" в том смысле, как мы условились употреблять это слово, а нечто иное. Это нечто существует "в мысли", в сознании людей, проявляясь, обнаруживая себя в чувственно воспринимаемой форме: или в форме звуков, то есть колебаний воздуха, воспринимаемых ухом, или в форме графических значков, воспринимаемых глазом, или в других каких-либо формах (например, в электромагнитных колебаниях или передаче по радио).

Но как же можно узнать, в чем состоит это знание, скрытое в нашей черепной коробке и неизвестное, непонятное нам самим?

Очевидно, через какие-то внешние проявления.

Владение языком, как мы уже говорили, проявляется в речи, устной или письменной. О том, что данный человек владеет данным языком, и о том, насколько хорошо он его знает, мы узнаем, разговаривая с ним. Возможность обмениваться мыслями и координировать свои действия посредством языка обязательно предполагает, что в головах у многих людей отложены одни и те же знания. Только при этом условии возможно взаимопонимание, которое необходимо в рамках каждого общества.

2. Язык как система правил построения высказываний

А. Язык как иерархия единиц

Когда мы пишем (или говорим), мы располагаем заранее известные нам буквы (или звуки, которые мы уже умеем произносить) друг за другом в линейной последовательности. Так мы порождаем цепочку, которую называем словом. После этой цепочки мы порож-

даем таким же способом другую, которую отделяем от первой пробелом. Затем мы пишем третью, четвертую и т.д. цепочки, создавая более длинную "цепочку цепочек". Ее мы заканчиваем не просто пробелом, но специальным значком - точкой. Точку мы ставим тогда, когда ощущаем, что вырезали относительно законченную мысль, написали относительно самостоятельное высказывание. Эту цепочку мы называем предложением или фразой.

Мы можем написать друг за другом несколько фраз, которые по смыслу продолжают одна другую и тесно связаны между собой. Чувствуя, что дальше мы хотим говорить уже о чем-то, хотя и близком, но все же другом, мы закончим эту "цепочку цепочек" не просто точкой, но абзацем, то есть начнем писать следующую фразу с новой строки, немного отступив от левого края.

Абзацы, в свою очередь, следуют друг за другом до тех пор, пока мы или не кончим текст, или не введем нового разделительного знака (например, "три звездочки", "параграф", подзаголовок, заголовок).

Каждая из этих цепочек (слово, предложение, абзац) может быть названа языковой "единицей". Минимальным элементом в нашей системе письма является отдельная буква. В других системах письма минимальными элементами (не делимыми на более мелкие) могут быть знаки слогов или слов - иероглифы. И буквы, и иероглифы состоят из элементов - "штрихов", но штрихи не следуют друг за другом в линейной цепи. Самой крупной единицей является текст как целое. Но "языковыми" единицами считаются лишь относительно мелкие, кончая предложением. В последнее время в число языковых единиц (единиц, изучаемых языкознанием) втягивается и абзац.

Единицы языка различаются между собой не только по величине, но и по степени сложности. Как мы видели, одни из них строятся из других. Это позволяет (и заставляет) говорить об УРОВНЯХ или ЯРУСАХ языка, таких, что каждый из них характеризуется собственной мерой сложности расположенных на нем единиц.

Буквы принадлежат нижнему уровню той системы, которую мы используем при письме. В системе, которая используется в устном общении, минимальной единицей является звук. Звуки комбинируются,

соединяются в слоги. Но, как и отдельные звуки, слоги не связаны со смыслами, не выражают смыслов, они тоже принадлежат низшему, фонетическому уровню языка.

Слова имеют качественно иную природу: это двусторонние единицы языка, - звучания, тесно связанные с определенными смыслами, соотношенные с явлениями действительности, которые они обозначают. Слова "построены" не из звуков (фонем), а из морфем. Фонемы и слоги - это "строительный материал" только для звуковых оболочек слов. Морфемы же - это минимальные значащие единицы языка; как и слова, они двусторонни, то есть имеют звуковые оболочки, построенные из фонем, и смыслы, соотношенные с этими оболочками. Но в отличие от слов, морфемы ничего в действительности не обозначают. Имея СМЫСЛ, они лишены вещественных значений.

Односторонние единицы называются ФИГУРАМИ языка, двусторонние - ЗНАКАМИ. Фонемы являются фигурами выражения. Им противопоставляются элементарные единицы содержания - СЕМЕМЫ, которые тоже не соотносятся прямо и непосредственно с единицами выражения. Например, слово "мать" содержит звук (фонему) "м", но этот звук сам по себе ничего не значит. С другой стороны, в значении этого слова содержится смысловой компонент "лицо женского пола" (ср. отец - лицо мужского пола) - но это значение никак отдельно не выражено.

Таким образом, уровень фигур в целом противопоставлен уровню знаков, но сам он при этом членится на уровень фигур выражения и уровень фигур содержания. Знаковый уровень в свою очередь членится на уровень морфем и уровень слов; а над этими уровнями надстраиваются более сложные уровни.

Уровню слов противопоставлен уровень предложений (высказываний, фраз). Если слова являются названиями явлений действительности (вещей, процессов, признаков вещей и процессов, отношений и т.д.), то предложения - это языковые формы, в которых выражается мысль. Именно этим смыслами предложений качественно отличаются от смыслов слов. Мы говорим только предложениями, а не словами.

Подобно тому, как слова "строятся" из морфем, предложения строятся из "блоков" которыми являются сочетания слов. Это по-

звонит (дает основание) говорить о "вспомогательном" уровне с овосочетаний. Поскольку же предложения в свою очередь способны соединяться между собой в более крупные целые, которые тоже называются предложениями (сложными), постольку сам уровень предложений предстает как целая система уровней, на которых располагаются единицы разной степени сложности.

Число разных единиц, расположенных на том или ином уровне, не одинаково. Чем проще уровень, тем меньше на нем отличных друг от друга единиц. Так, число букв в каждом языке очень невелико, всего несколько десятков. Число слов же измеряется сотнями тысяч, а число фраз, которые могут быть построены из них, бесконечно. Главное назначение языка в человеческом обществе состоит, конечно, в том, что он служит средством выражения мыслей, а мысли выражаются фразами. Поэтому возможность из малого числа начальных элементов строить бесконечное количество высказываний — это важнейшее свойство естественных языков, которое определяет собой их величайшую ценность для человечества.

Но для того, чтобы реализовать эту функцию, нужно УМЕТЬ из этого малого числа элементов строить высказывания, которые были бы ПРАВИЛЬНЫМИ на данном языке.

В каждом естественном языке можно выделить те уровни, о которых мы говорили выше, и в каждом языке на этих уровнях будет расположено примерно одинаковое (близкое) число единиц. Но значит ли это, что, зная правила оперирования единицами одного языка, умея говорить на одном языке и зная единицы некоторого низшего уровня другого языка, — его звуки или даже слова, — мы сможем говорить и на этом другом языке? Разумеется, нет.

Каждый язык характеризуется не только своим СОСТАВОМ ЕДИНИЦ, но и своими правилами оперирования с единицами каждого уровня, своими правилами сочетаемости элементов. Поэтому различия между языками обнаруживаются тем явственней, чем выше тот уровень, на котором мы проводим связи.

Различия языков очевидно уже на самом элементарном, фонологическом уровне. Так, в русском языке различаются звуки "Т" и "Д", "С" и "З", "В" и "Ф", т. е. звонкие и глухие. Но есть немало языков, где звонкость и глухость не различаются, например,

в китайском. Поэтому китайцу очень трудно научиться произносить и различать на слух такие русские слова, как "шутка" и "жутко", "Китай" и "кидай" и т.п. Зато в русском нет различия (противопоставления) между "Г" фрикативным и "Г" взрывным, между "Р" язычным и "Р" увулярным (язычковым). Фрикативное произношение "Г" и увулярное "Р" оценивается как неправильное, противоречащее норме ("картевое Р"). Но эти оттенки произношения не различают у нас слов. Мы потому и можем называть их "оттенками", что между ними возможен выбор. В семитских же языках, например, в древнееврейском, язычный и увулярный "Р" были совершенно самостоятельными звуками, фонемами, которые никогда не смешивались друг с другом, — так же, как у нас никогда не смешиваются "Т" и "Х". Ясно, что самостоятельные звуки не могут противопоставляться друг другу как "хороший" и "плохой".

Различия между языками на уровне слов гораздо заметнее. Они привлекают к себе внимание при первом же знакомстве с любым новым языком. Люди, лингвистически не подготовленные, часто даже сводят все различия между языками к различиям словарей, то есть представляют себе дело так, что в другом языке "все называется по-другому"; например, в немецком стол называется "тисш", рыба — "фиш", я — "ихь", мяч — "михь" и так далее. Стоит вспомнить, как что называется, — или, еще грубее — "что как переводится", какому родному слову соответствует какое чужое, и дело будет в порядке, мы сможем говорить на чужом языке и понимать чужую речь.

Но в действительности различия между языками несравненно, неизмеримо глубже. Главные, фундаментальные различия состоят в различии правил, по которым комбинируются, соединяются между собой элементы. Эти правила на каждом уровне, естественно, свои. От самого элементарного уровня звуков до самых верхних уровней фраз и предложений, абзацев, — всегда действуют строгие правила — как можно (и нужно) соединять элементы, строя из них конструктивные блоки, и как нельзя их соединять. Эти две стороны — "можно" и "нельзя" — неразрывно связаны между собой. Когда мы начинаем изучать новый язык, нам естественно, хочется знать, что МОЖНО, как НУЖНО говорить на нем, — мы фиксируем РАЗРЕШЕН-

НЫЕ пути. Но сейчас я хотела бы обратить внимание на вторую сторону дела.

Попробуем на минуту отвлечься от "запретов" и представим себе язык, в котором "все можно". Пусть в этом языке будет 40 фонем, которые свободно сочетаются друг с другом - и при этом каждое сочетание даст правильный результат. Тогда в этом языке было бы $40^2 = 1600$ двухфонемных сочетаний, 40^3 - трехфонемных, 40^4 - четырехфонемных, в том числе и сочетания типа "тдфе", "ткбп" и т.п., и каждое имело бы свой смысл. Малейшая неточность в произношении слова искажала бы смысл. На таком языке разговаривать было бы невозможно, - он не имел бы "запаса прочности" и не мог бы противостоять помехам, "шумам", постоянно сопровождающим общение.

Все реально существующие естественные языки обладают колоссальным запасом прочности. В них являются допустимыми лишь около 20% всех сочетаний, возможных в принципе, - даже с учетом некоторых ограничений, общих для всех языков мира (например, принцип чередования гласных и согласных звуков). Уже это одно свидетельствует о том, что система ограничений, запретов должна не в меньшей, а в большей мере определять собой индивидуальность каждого языка, нежели система "разрешений". Разные языки гораздо сильнее различаются тем, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ на них говорить, нежели тем, что можно. Каждый язык можно представить себе как уникальную, единственную в своем роде систему ПРАВИЛ, ограничивающих свободу сочетания элементов, правил, подчиняясь которым, мы будем получать ПРАВИЛЬНЫЕ, разрешенные в данном языке высказывания.

Б. Язык как система (иерархия) правил

Мы привыкли связывать слово "правила" только с такими уровнями языка, где мы имеем дело только с осмысленными элементами и можем действовать, осознавая свои действия. Так, мы говорим о правилах соединения слов, о правилах построения и соединения предложений. Мы говорим также о правилах орфографии и пунктуации, которые мы изучаем, усваиваем в школе. Мы говорим также о правилах произношения слов, о правилах сочетаемости, словоизме-

нения и т.д. изучаемых нами не родных для нас языков, которыми мы овладеваем сознательно. За пределами языка мы говорим о правилах ритмического движения, хорошего поведения и т.д. Правила - это то, чему следует подчиняться, за нарушение чего следует наказание. Но само по себе это свидетельствует о том, что правила могут быть нарушены, - хотя это и плохо. Чтобы не совершить проступка, правила надо знать.

Но существуют и неосознаваемые нами правила "языкового поведения", - например, правила соединения звуков, построения слогов. Так, в русском языке звук Ы не может начинать собой слово. Также не могут появляться в начале слова звуки, которые произносятся под ударением в таких словах, как: полёт, рублѐ, вальят, надрѐз. Буквы Я, Ю, Е, Ё в начале слов псывляются, но они означают тогда не один звук, а сочетания звуков: Юра = Йура, Яма = Йама, Ёлка = Йска, Еду = Йеду. Никогда не произносятся этих звуков в начале слов, русские люди даже не умеют произносить их отдельно, - поэтому, конечно, им очень трудно даже "при желании" нарушить этот запрет. Эти ограничения распространяются не только на начала слов, но и на начала слогов.

Люди, говорящие по-русски, автоматически подчиняются подобным правилам, не замечая их и не задумываясь об их существовании. Может показаться, что мы не замечаем их только потому, что они не святы для нас ни с какими смыслами, - а сознательно мы "оперируем" только такими знаками, которые имеют смысл, - например, словами. Слова мы выбираем сознательно, но самих слов не придумываем и не строим, а пользуемся теми, которые созданы за долго до нас, которые мы усвоили, когда усваивали язык. Если так, то нам и не нужно знать правил, по которым они построены.

Такое рассуждение можно было бы признать резонным, если бы мы, то есть носители языка, не осознавали правил (законов) комбинирования звуков, осознавали правила (законы) комбинирования слов и их значимых частей - морфем, - например, правила изменения слов при склонении и спряжении, правила употребления слов в предложении, правила их сочетания друг с другом, правила употребления отдельных слов. Однако легко показать, что этих правил мы тоже не осознаем. Не только на элементарном, звуковом

уровне, но на всех уровнях языка мы пользуемся единицами языка, подчиняясь его сложным, иногда даже причудливым правилам, но не подозреваем о том, что такие правила существуют, что и зная они предписывают нам говорить так, а не иначе.

Чтобы убедиться в этом, сделаем небольшой опыт. Ниже я даю список коротеньких фраз, где в скобках помещены близкие по смыслу слова, между которыми нужно сделать выбор. Выберите из них то, которое можно (нужно) употребить в данной фразе.

- I. (Мой, у меня) болит живот.
2. (Ваш, у вас) сын сегодня хорошо сделал экзамен.
3. (Моя, у меня) бабушка заболела.
4. Заболела (моя, у меня) бабушка.
5. Возьми (твою, свою) книгу.
6. Это (твоя, своя) книга.
7. Мне нравится (моя, своя) квартира.
8. Я люблю (своего, моего) котё.
9. Он любит книги, (в каких, в которых) много картинок.
10. Сегодня (как, точно) обычно, он проснулся в половине восьмого.
- II. На балконе тихо, (как, точно) все умерли.

Выбор нужного слова вряд ли представляет какую-то трудность для русского человека. Но теперь, когда выбор сделан, попробуйте сформулировать те правила, которыми вы руководствовались, — или точнее, которым вы без колебания подчинились, делая этот выбор.

Так же бессознательно подчиняемся мы и правилам сочетания знаменательных слов. Русский человек никогда не скажет, что "дело было глубоким утром", что "весна прекратилась" или "трамвай прекратился", — но вряд ли он сможет объяснить иностранцу, какое же правило он нарушает, когда допускает такие ошибки.

Совершенно так же обстоит дело и с правилами соединения простых предложений в сложные, и с правилами употребления отдельных слов, названия или тех или иных вещей, явлений действительности. Мы никогда не описываемся, называя опилки — опилками, крошки — крошками, не называем крошки — трухой, песком

и т.д., но, вероятно, всякий затруднится в объяснении разницы между этими объектами. Так же трудно описать, о каких именно вещах можно сказать "кисть", "чехол", "золото", "молоко" и т.д.

"Знать язык" — это значит "уметь пользоваться его элементами"; уметь выполнять все правила, относящиеся ко всем уровням языка, без чего невозможно было бы получить "на выходе" фразу, правильную "во всех смыслах". Знание языка — это УМЕНИЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ ЕГО ПРАВИЛАМ.

Как и всякое умение, умение говорить (писать) отнюдь не предполагает умения рассказать о том, в чем оно состоит. Мы, например, прекрасно умеем завязывать узел, "глухой" или "бантиком". Но рассказать, как мы это делаем, мы не можем. Однако и в этом случае "умение" предполагает существование "правил", организующих и же поведение и обеспечивающих появление именно того результата, который был предусмотрен.

Язык и представляет собой такую сложную и богатую, систему последовательно выполняемых правил которой, мы строим из набора простейших элементов сколь угодно сложные высказывания.

Говоря о том, что "мы знаем" языковые правила, что их "нужно знать", мы тем самым утверждаем, что они существуют, и существуют безотносительно к тому, знает или не знает о них тот или иной человек. Но где же и как они существуют?

Конечно, не в грамматиках, которые представляют собой только бледное и часто искаженное представление о них. Редь есть и такие языки, для которых не написано никаких грамматик, не составлено никаких словарей. Да и русским языком мы овладеваем задолго до того, как узнаем о существовании каких-то грамматик.

Можно сказать, что эти правила существуют в головах (в сознании) носителей языка. Но в сознании отдельных людей, каждого отдельного человека они могут существовать лишь постольку, поскольку этот человек является членом данного общества, того общества, которое пользуется данным языком.

Отдельный человек не может придумать себе собственного языка. Дети перенимают язык у своих родителей и других окружающих их старших членов общества, которые в свою очередь и в свое время получили его от старшего поколения. Язык живет очень долго,

тысячелетиями, и связывает всех говорящих на нем людей в один социальный организм, который мы называем отдельным обществом, народом, нацией. Он объединяет членов этого общества и в пространстве, и во времени. Поэтому подлинным "носителем языка" является именно общество, а отдельный человек получает это достояние только в "пожизненное пользование". Он усваивает его, пользуется им и передает его в наследство своим потомкам. Если случается так, что почему-либо не оказывается людей, нового поколения, которое приняло, подхватило бы язык от старшего поколения, то этот язык умирает вместе с последними говорящими на нем людьми. Так, например, сейчас в предгорьях Саян живет последняя, единственная носительница камасинского языка - одного из языков финно-угорской группы. Ей около 70 лет. С ее смертью камасинский язык станет мертвым. Но фактически он стал им уже при ее жизни: ей не с кем говорить на родном языке, и она перешла на русский.

Отдельный индивид не только не создает себе своего языка, но даже не может, как бы ни был он гениален, всесторонне образован, полностью усвоить себе весь язык своего народа и все существующие в нем правила. Это особенно очевидно на примере словаря: никто не знает всех слов, которые употребляются в разных областях, сферах общественной жизни - в сельском хозяйстве, в тяжелой промышленности, в военном деле и т.д.

Мы, европейцы, вообще не имеем представления об объеме своего индивидуального словаря. Об объеме национального словаря можно получить приблизительно, грубое представление, взглянув в лексикографические описания, где "зарегистрированы" лексические единицы. Краткий, одготомный словарь С.И.Ожегова вообрел 53 тысячи общепотребительных слов, 4-х томный словарь под редакцией проф. Д.Н.Ушакова - 83 тысячи, 17-томный словарь АН СССР - 120 тысяч слов. Но это, конечно, лишь небольшая часть национального богатства. Сюда вошли только общепотребительные слова литературного языка.

В русских деревнях еще сохраняются местные диалекты, крестьяне пользуются особыми словами диалектных языков, разными в разных районах страны. Словарь охватной лексики, который готовится к печати под редакцией чл.-корр. АН СССР Ф.И.Филина, отразит около

до 600 тысяч слов.

Кроме того, существует множество специальных сфер деятельности - различные производства, науки, искусства и т.д., - которые имеют свой лексикон. "Прикидывая" на специальную и профессиональную лексику еще 300 тысяч слов, мы получим цифру 1 миллион. Этой цифрой лингвисты ориентировочно оценивают словарный запас основных, наиболее развитых языков Европы (английский, французский, немецкий, русский).

Сколько же слов из этого числа может знать один человек?

Во-первых, надо уточнить слово "знать". Мы понимаем гораздо большее число слов, нежели употребляем в собственной речи. А те, которые мы употребляем, не одинаково распределяются между устной и письменной формой. У образованного, преимущественно "писящего" человека больше слов активизируется при письме, у человека малограмотного "устный" словарный запас гораздо богаче письменного. Но для того, чтобы судить об этих соотношениях сколько-нибудь точно, нужно исследовать этот вопрос, а это связано с огромными трудностями.

Легче всего "измерить" словарный запас отдельного писателя, сосчитав все слова, использованные в его произведениях и письмах. Разумеется, это будет только "письменный активный запас". Так, словарь Шекспира составляет около 15 тысяч слов, Пушкина - около 27 тысячи слов.

Но как "знать" пассивный запас индивида, как сосчитать слова, которые он понимает? Для этого нужны специальные психолингвистические эксперименты. Можно, например, предложить обследуемому человеку кратко объяснить значения слов, включенных в контрольный список (который может быть очень большим). Если объяснение явно неверно, значит он этого слова не знает, - ср. ответы некоторых учащихся: "троглодит - это такой звук, который поедает и портит книги", "одр - это старая лошадь" и т.п. Но, конечно, все это очень сложно и пока никем не выполнено.

Но вот каждый китаец, благодаря особенностям китайской письменности, очень точно знает число иероглифов (то есть, грубо говоря, слов), которые он умеет читать и писать. Нам говорили, что наибольший "грамотеем" считался в Китае академик Го Мо

Ио, который знает 125 тысяч иероглифов. Это, конечно, очень много, — но все же это лишь около 0,1 миллионного запаса национального языка.

Отдельные люди в разной мере владеют и другими типами правил, — правилами сочетаемости слов, правилами построения предложений, использования разнообразных оборотов речи, фразеологий и т.д. Отсюда происходят разнообразные речевые ошибки, которые допускают, конечно, совсем не одни иностранцы. Но если один из носителей языка допускает речевую ошибку, то другие носители чувствуют это и стремятся исправить (конечно, с учетом условий места и времени, приличий и т.д.).

Живущий в каждый данный момент коллектив носителей языка, составляющий общество, содержит в своем совокупном сознании ВСЕЯ язык, каким он является в данный момент. Язык СУЩЕСТВУЕТ НЕПОСРЕДСТВЕННО ИМЕННО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАННОГО КОЛЛЕКТИВА. Поэтому теперь мы можем дополнить то, о чем говорили выше: язык не есть "объективная реальность" в том смысле, как это понимается в философии, но он есть СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Язык, заключенный, скрытый в общественном сознании, это и есть та реальность, тот ОБЪЕКТ, к познанию которого стремится наша наука. Это — наше неизвестное, наш "X", которым мы непосредственно владеем, и который должны объяснить, описав в системе научных понятий.

Но если мы хотим изучать этот объект, описывать его в системе научных понятий, мы не можем ограничиться тем исходным представлением, о котором говорили до сих пор. Язык, которым каждый из нас непосредственно владеет, доступен только "внутреннему созерцанию", мы можем им пользоваться, но не можем его теоретически познавать, потому что он недоступен объективному наблюдению.

Всякая эмпирическая наука с необходимостью предполагает объект, который доступен наблюдению. Наблюдение, с одной стороны, предшествует теоретическому осмыслению объекта, экспериментированию с ним, построению модельных представлений о нем и т.д., с другой стороны, дополняет собой все другие методы научного исследования. До тех пор, пока наука не имеет такого объекта, она не является наукой в собственном смысле этого слова.

Языкознание — это, конечно, эмпирическая наука, которая имеет объект наблюдения. Язык существует не только в форме непосредственного знания. Это знание опосредуется различными способами, когда мы общаемся между собой, например, говорим или пишем. Если бы язык не реализовался, не объективировался в форме речи, общения, он не мог бы не только быть предметом научного исследования, но не мог бы и передаваться от человека к человеку, не был бы средством общения, не мог бы просто существовать.

Поэтому теперь мы перейдем к вопросу о том, что и как может наблюдать лингвист, на чем он основывает те знания, выводы, утверждения, которые он относит к исходному понятию "язык".

II. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

I. Как наблюдать язык?

Первое отношение, которое возникает между всякой эмпирической наукой и ее объектом — это наблюдение. Люди наблюдают за естественным ходом процессов, которые их интересуют, затем на базе наблюдений высказывают какие-то предположения о механизме, управляющем этими процессами, то есть о том, почему они протекают именно так, а не иначе. Затем эти предположения проверяются в эксперименте. Эксперимент состоит в том, что процесс воспроизводится искусственно, в условиях, которые нам хорошо известны, поскольку мы сами их организовали в соответствии с нашими предположениями. Меняя те или иные стороны искусственной ситуации, мы можем наблюдать за изменениями в течение процесса, вызываемыми определенным изменением условий.

За какими же естественными процессами может и должен наблюдать лингвист?

В общественное сознание, где "хранится" язык, нам прямого доступа нет. Мы не можем проникнуть даже в сознание индивида. Но СОДЕРЖАНИЕ сознания выражается при помощи речи, овеществляется во фразах. Разные фразы выражают разное содержание, и именно различия фраз, их разнообразие и интересуют лингвиста.

Лингвиста интересует именно содержание языкового сознания, а не психо-физиологический механизм речевых процессов. Физиологические наблюдения над мозгом излучением в лучшем случае могут обнаружить не эти различия, а только наличие или отсутствие процесса порождения фраз, наличие или отсутствие речевой деятельности. Так, например, современные биологи, наблюдая при помощи приборов излучения мозга спящего кота, могут установить,

видит ли он в данный момент сон или нет, но отсюда еще бесконечно далеко до того, чтобы узнать, что именно ему снится.

Если бы интересующие нас правила языка хранились в сознании индивидов в ясной и четкой форме, как значения обычного типа, то объектом наблюдения в лингвистике мог бы быть индивид, а формой активного наблюдения мог бы быть спрос носителей языка. Но, как мы уже видели, эти сведения не хранятся в сознании в сколько-нибудь отчетливой форме. Может быть лучше сказать, что они хранятся не в сознании, а в подсознании. Поэтому опрос индивидов как средство получения лингвистической информации бывает связан с серьезными трудностями, имеющими принципиальный характер. Информация, полученная таким способом, не может рассматриваться как информация о ЯЗЫКЕ, потому что в значительной части она является информацией о самом ИНДИВИДЕ, использующем язык, то есть об "устройстве того устройства", которое хранит языковые знания и пускает их в ход, а это "устройство" есть человеческая ПСИХИКА.

Носители языка сами не знают, как это так получается, что они говорят правильно. Поэтому на вопросы, которые задает им лингвист, они вообще ничего не могут ответить, или отвечают так что их ответы не согласуются друг с другом, а также и с тем, что лингвисту известно из других источников. Одним из таких источников является языковая интуиция самого исследователя. Языковая интуиция есть не что иное, как конденсированный, но неосознанный, не рационализированный языковой опыт. Языковую интуицию мы отличаем от непосредственного "знания" языка, влечения языком, понимая под нею некоторое знание "О ЯЗЫКЕ", способность носителя языка не ПОСТРОИТЬ фразу, но ответить на вопрос типа "МОЖНО ЛИ НЕЛЬЗЯ построить высказывание таким-то образом". Языковой интуицией обладает в той или иной мере каждый носитель языка, но лингвист, поскольку он стремится к получению НАУЧНОГО ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ, должен строго отличать это научное знание от собственного ИНТУИТИВНОГО знания о том же предмете, но это совершенно не значит, что он должен отказываться от собственно интуиции, оценивая и обрабатывая интуитивные же ответы других носителей языка.

Обращаясь с вопросами к носителям языка, мы всегда должны помнить, что ПРЯМЫЕ вопросы относительно языковых знаков и правил их использования вносят сильные помехи в механизм в.а. — дення этими правилами, потому что они нарушают автоматизм нашего языкового поведения. Заставляя человека думать о том, как можно и как нельзя говорить, мы тем самым мешаем ему говорить, потому что говорение базируется на автоматическом, бездумном употреблении языковых форм. Это давно известно лингвистам, и особенно — диалектологам, которые больше других лингвистов работают с носителями говоров, информантами. Одной из важнейших заповедей диалектолога является «не ставить прямых вопросов», добиваться от информанта естественного произнесения того слова, той формы или оборота, которые интересуют лингвиста.

Прямые вопросы парализуют языковую интуицию не только носителя диалекта, но и носители литературного языка, в том числе и самого филолога. Это является одной из причин, почему исследователь, будучи носителем изучаемого им языка, не может служить самому себе надежным источником информации. В том, как «сбивает» нас прямой вопрос, легко убедиться, попробовав ответить на следующие вопросы:

1. Как Вы обычно говорите: налейте мне ЧАЯ — или ЧАЮ? КВАСА или КВАСУ? Идет СНЕЖ или идет СНЕК? СНЕГ-ИДЕТ, или СНЕК-ИДЕТ, или СНЕЖ-ИДЕТ? НОЛЬ или НУЛЬ? БОЖ или БОК (бог)? и т.д.

2. На каком слоге Вы ставите ударение в словах: СТОЛЧР, ШОФЕРАМ, ДЕРЕВЦЕ (ДЕРЕВЦО)?

3. Какое из двух произношений Вы считаете правильным: ТА-ДА или ТАГДА, КАДА или КАРДА (тогда, когда)? АЦЦВ*ОЛ или АТЦВ*ОЛ (отцвел)?

4. Как Вы образуете формы, I л., ед.ч, наст.врем. от глагола махать: МАХУ или МАХАЮ, СТОХУ, СТОХАЮ или СТЕХАЮ?

Но даже если отвлечься от того факта, что вопросы, обращенные к индивиду, выводят из равновесия тот механизм, который мы хотели бы изучить, задавая эти вопросы, следует обратить внимание на другую сторону дела. Представляя себе индивида как объект

наблюдения в лингвистике, мы тем самым забываем о том, что подлинным носителем языка является не индивид, а общество. Индивид лишь исполняет законы (правила) языка, воспроизводит те действия, которые регламентируются этими правилами. Воспроизведение всегда связано с какими-то помехами, «шумами», отклонениями от заданного эталона. Лингвист же интересуется не механизмом воспроизведения и возникающие при этом шумы, но сами воспроизводимые эталоны, их общая система.

Поэтому методы исследования, связанные с обращением к информанту (их называют психолингвистическими методами), могут получать признание в лингвистических исследованиях определенного типа (это направление исследований называется психолингвистикой), но они не могут и не должны рассматриваться как основная процедура лингвистического исследования. Соответственно, индивиды, носители языка не могут быть основным объектом наблюдения в лингвистике.

Главным объектом наблюдения для лингвистов являются не индивиды и их языковое сознание, а тексты, созданные этими индивидами, написанные ими в соответствующем, изучаемом языке.

На всем протяжении истории нашей науки источником знаний о языке, объектом наблюдения и исследования лингвистам служили тексты.

Когда лингвист имеет дело с мертвыми языками, тексты являются для него единственным источником получения знаний о том, как были устроены эти языки, каковы законы и правила в них действовали и управляли речевым поведением индивидов. Когда речь идет о живых языках, то, кроме текстов, мы располагаем и другими источниками лингвистической информации, но ни один из них по значимости не может соперничать с текстами. Особенно ярко это обнаруживается, когда лингвист приступает к исследованию бесписьменных языков. Естественно, на этих языках не существует записанных текстов, — но мы знаем, что лингвист начинает именно с того, что сам «создает» те тексты, которые затем начинает исследовать: он записывает устную речь носителя интересующего его языка.

Такое поведение лингвиста свидетельствует о том, что без текста он работать не может и каждый, кто хоть немного знаком с лингвистикой, прекрасно знает, что наблюдают, изучают, анализируют лингвисты, откуда они черпают знания о языках. Если я позволила себе на время "забыть" об этом, то только ради того, чтобы получить возможность более четко поставить вопросы, которые представлялись достаточно серьезными. Они состоят в следующем.

Согласимся ли мы называть "русским языком" некоторый текст, написанный на русском языке? Очевидно, нет. Множество текстов, даже всю совокупность текстов, написанных на русском или каком-то другом конкретном языке, называют "корпусом" языка, но не сами данным языком. Очевидно, что текст на языке X и сам язык X — это не одно и то же, это разные объекты. Особенно наглядным это различие оказывается тогда, когда мы располагаем текстом на неизвестном нам языке. Тут мы видим и понимаем, что обладание текстом не приближает нас к нашей задаче: чтобы прочитать этот текст, мы должны уже знать язык, хотя бы отчасти.

Но тогда почему же в обычных ситуациях мы можем использовать один объект, "текст", для получения знаний, которые относим к другому объекту, "языку"? Являются ли эти знания в самом деле знаниями о языке, то есть о тех "знаниях", "умениях", "правилах", которые управляют речевым поведением людей, — человека, создавшего данный текст, и многих других? Какого рода информация дана нам текстом?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны осмыслить, осознать те отношения, которые связывают эти категории, "язык" и "текст".

2. Категории "язык" и "текст" в истории языкознания

Огромное значение языка в жизни человеческих коллективов люди осознавали уже в глубокой древности, задолго до того, как

сложилась наука о нем. Слово "язык", как и слова других языков с этим значением, принадлежит к очень древним пластам словаря. Этимология этих слов, а также сочетания значений, выражаемых ими, дают некоторые основания для суждений о том, как понимали наши предки этот феномен. Русское слово "язык", кроме того значения, о котором мы говорим, означает также тот орган, при помощи которого человек произносит звуки. Та же связь значений прослеживается и в романских языках: фр. *langue* — и "средство общения", и "орган во рту". Ср. также англ. *tongue* — "орган во рту," а также "язык как средство общения". Это соединение значений свидетельствует о том, что "язык" понимался нашими предками как форма общения "непосредственного", именно устного. Ср. также само это слово "устный", "устно" ("уста"), которое отчетливо прот. состоит по смыслу слову "письменный", "письменно". Здесь уже предполагается две формы общения, тогда как слово "язык" еще не предполагает подобного расчленения, но ориентировано на устную речь прямо и непосредственно.

Интересно и третье значение, которое имело это слово у древних славян: племя, народ. Племена и народы ощущали себя отдельными, самобытными коллективами, отличными от других и противопоставленными другим, потому что они говорили на разных языках. Чем более далекими были их языки, тем труднее им было непосредственно понимать друг друга, тем более далекими, чужими друг другу спрах дливо считали себя и сами народы.

Интересны с этой точки зрения предания и легенды древних народов, которые доносят до нас представления о природе и назначении языка, о его роли в жизни общества, говорят о том, что эти проблемы волновали людей уже много тысячелетий назад. Так, например, Библия свидетельствует, что уже несколько тысяч лет назад людей волновала тайна возникновения языка, и у них было две версии ответа на этот вопрос. В первой главе "Книги Бытия" говорится о том, что язык, то есть имена вещей (тогда думали, что язык — это и есть "слова", имена вещей, а грамматика как бы "следует сама собой"), создан для людей богом. Во второй главе рассказывается, что имена вещам дал сам человек, Адам: бог про —

вел перед ним все живые существа для того, чтобы Адам их "окрепил". Имена, придуманные Адом, уже остались навеки.

По свидетельству Геродота, в VI веке до нашей эры египетский фараон Псамметих тоже размышлял о происхождении языка и о том, какой же из многих языков земли является самым древним, "родоначальником" всех остальных. Он даже "сделал эксперимент", чтобы получить "объективный" ответ на этот вопрос. Эксперимент состоял в том, чтобы двух детей воспитать в изоляции. На каком языке заговорят эти дети, никогда не слышавшие чужой речи, тот, по мнению экспериментаторов, и должен быть признан первичным. Мысль о том, что дети, воспитанные таким образом, могут не заговорить совсем, им в голову не приходила, — они полагали, что "первичный" язык дается людям "сам собой", от природы. Согласно легенде, дети действительно заговорили. Первым их словом было "багос" — фригийское название хлеба. Нам сейчас ясно, что если этот рассказ не просто вымысел, — эксперимент был поставлен "не чисто": кто-то из кормивших детей был фригийцем и произнес при них это слово. Но интересна сама конструкция рассказа, те мысли, идеи, которые продиктовали или этот опыт, или хотя бы этот рассказ, ярко свидетельствующий о живом интересе к проблемам происхождения языка и языков уже на заре культурной истории человечества.

Показательна в этом отношении и библейская история о вавилонском столпотворении. В ней содержится наивная попытка объяснить "гневом Божиим" появление множества разнообразных языков на земле. Согласно легенде, бог "смешал" языки, сделал так, что люди перестали понимать друг друга, в наказание за то, что они дерзнули строить высокую — до самого неба — башню, "столп". Перестав понимать друг друга, они уже не смогли довести до конца эту неудобную богу постройку. Сам способ "божьего наказания" свидетельствует о том, что создатели легенды хорошо понимали значение языка для общества, необходимость единого, понятного для всех средства общения, чтобы общество могло жить и функционировать как единый социальный организм.

Древние греки живо интересовались происхождением имен, и в течение нескольких веков философы спорили о том, связаны ли

имена с "природой самих вещей", ими обозначаемых, или они случайны и принадлежат вещам только в силу установившегося обычая. Много разных вопросов о языке задавали себе и римляне, и арабы, а затем и европейцы. Чем ближе к нашему времени, тем шире становился круг этих вопросов. Но любопытно отметить, что о том, что такое язык, не спрашивали себя и своих мудрецов ни мудрецы, ни египтяне, ни арабы, ни греки, ни европейцы. Вероятно, этот вопрос не возникал потому, что это казалось как-то само собой очевидным. Язык — это то, что и как мы говорим, это слова, которые мы произносим, это звуки, это, наконец, предложения, вместе со всем тем, из чего они состоят, это тексты, написанные людьми... Язык — это "орудие общения", это то, при помощи чего мы друг с другом общаемся, разговариваем, передаем свои мысли и узнаем чужие. Разве это не ясно?

До начала XX века это казалось ясным. Но когда Фердинанд де Соссюр задумался над этим вопросом, он убедился, что ответить на него современная ему наука о языке не могла.

В самом деле, — что значит ответить на вопрос "что такое язык"? И вообще, о всякой вещи как отвечаем мы на вопрос "что она такое"? Чаще всего мы называем какой-то род, которому принадлежит интересующее нас явление, а потом называем его отличительные признаки. Береза — это дерево (род) с белым стволом и резными листьями. Жирафа — это животное, которое живет в Африке, у которого очень длинная шея, маленькие рожки и красная пятнистая расцветка. "О" — это буква русского алфавита, имеющая форму овала. Такие объяснения, толкования легко построить тогда, когда мы знаем много подобных друг другу предметов или явлений, когда нам ясны очертания рода. Кроме березы, мы знаем тополь, ольху, клен и осину, которые тоже деревья, кроме "О" знаем "А", "Т", "Ф", которые тоже буквы. Мы располагаем словами с общим, родовым значением: "дерево", "буква". Но к какому роду явлений нам отнести язык? С какими другими явлениями можно его объединить?

До начала XX века язык представлялся уникальным явлением, единственным в своем роде, ни на что не похожим. Само это слово означало некий род, охватывало множество человеческих языков, но

этот род ощущался как "верховный", не поддающийся дальнейшему обобщению. А ведь известно что вещи познаются сравнением, — если нам не с чем сравнивать, нечему противопоставлять как-то вещь, нам трудно высказать о ней что-то существенное. О такого рода объектах можно рассказывать, перечислять их свойства, "интерпретировать" их различным образом, но осмыслению в логических понятиях (категориях) они не поддаются.

В середине и ближе к концу XIX века лингвисты, философы, психологи начинают задумываться о природе и сущности языка, высказывают целый ряд интересных мыслей об этом; некоторые из этих мыслей сохраняют интерес и сейчас, — как, например, мысли Гумбольдта о том, что язык — это "энергия", а не субстанция (ἐνέργεια, а не ἔργον).

Эти мысли развили впоследствии немецкие психологи (Г. Штейнталь, В. Вундт и др.), трактовавшие язык как процесс. Но в лингвистике XIX в. господствовало другое представление о языке — как об абстрактной системе, оторванной от речевой деятельности, которая не привлекала к себе их внимания.

Лингвистика формировалась и развивалась в Европе как наука о ЯЗЫКАХ. В рамках этой науки постоянно сравнивались, сопоставлялись разные языки, их грамматики, их словари, их "звуковая материя", их системы письма, их история, их назначение, использование в обществе. В центре внимания лингвистов всегда находились вопросы о том, чем одни языки отличаются от других, а также "обратная сторона вопроса" — чем разные языки подобны друг другу. На эти вопросы лингвистика отвечала конкретно. Она показывала, чем именно звуковая система русского языка отличается от системы польского или болгарского, какие явления в романской грамматике имеют параллели в греческом и в санскрите, а какие нет, какие слова в одних языках имеют "родственников" в других языках, и так далее. По мере того, как наука все глубже познавала особенности языков, накапливала знания о них, она сама начинает члениться, — складываются такие лингвистические дисциплины, как фонетика, грамматика, а затем и лексикология, семасиология.

Одновременно выяснились, конечно, и некоторые общие о свойства, присущие всем человеческим языкам: все они суть звуковые языки, и во всех можно найти гласные и согласные звуки; согласные в сочетании с гласными образуют слоги. В образовании звуков принимают участие в общем одни и те же органы (и прежде всего язык) и т.д. Все языки являются "языками слов", и в словаре каждого языка находятся и такие слова, которые обозначают предметы, и такие, которые обозначают признаки, свойства предметов и явлений; наряду с знаменательными словами находятся служебные и "местоименные", указательные слова. Во всех языках слова соединяются в предложения и т.д.

Конечно, по мере накопления подобных знаний углублялось не только представление об отдельных, родственных или не родственных языках, но и о языке вообще. Однако вопрос о том, что же такое "язык" как общая сущность столь разных явлений, как все языки Земли, до поры до времени из поля зрения лингвистики ускользал.

Для получения научных знаний о языке лингвисты всегда использовали тексты. Но вопрос об отношениях между языками и текстами не возникал как теоретическая проблема, потому что само понятие "язык" оставалось неопределенным.

До поры до времени лингвисты не задумывались и об отношениях между звучащей и письменной речью. За письменными текстами они "слышали" звучащую речь, и значения, получаемые при изучении текстов, относили к звуковому языку. Характерно, например, что великий немецкий филолог Яков Гримм, открывший закономерности звуковых переходов в историческом развитии языка, сначала формулировал открытый им закон германского перебора согласных в терминах письменного языка, то есть говорил о "переходах букв", подразумевая переходы звуков.

В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что XIX век бы, в сущности, первым веком в истории НАУЧНОГО языковедения. Понятно, что вопросов было гораздо больше, чем ответов на них. Однако к концу XIX века накопилось уже много конкретных фактических значений об устройстве различных (правда, в основном

индоевропейских) языков. И не случайно, что именно в это время, в начале XX века, в языковедении наметился поворот к теоретическому осмыслению, а иногда и переосмыслению понятий, до сих пор казавшихся ясными. К числу таких вопросов принадлежал и вопрос о сущности языка, поставленный на научное обсуждение Фердинандом де Соссюром.

3. Разграничение понятий "язык", "речь", языковой материал

Заслуга Ф. де Соссюра состоит в том, что в явлении "язык", которое считалось относительно ясным, интуитивно понятным и не предполагающим иного расчленения, чем то, которое уже использовалось в языковедении (расчленение на фонетику, грамматику, лексику), он увидел несколько существенно различных сторон. По существу, он увидел в нем несколько различных, хотя и тесно связанных между собой "явлений", — настолько разных, что прежнее слово "язык" (французское *langue*, английское *language*, немецкое *Sprache*), которое до сих пор охватывало всю совокупность этих "сторон" и "явлений", ему пришлось заменить целой группой слов, обозначающих эти разные аспекты явления.

Швейцарский ученый, Соссюр писал по-французски. Французский язык "подсказал" ему разделение общего понятия "язык" на три аспекта, которые он обозначил словами: 1) *langue*, 2) *langage*, 3) *parole*.

Как известно, текст знаменитого "Курса" Соссюра был издан после его смерти его учениками П. Бали и А. Сешее. Как выяснилось позже, мысли Соссюра, касавшиеся различия *langue*, *langage* и *parole*, были изложены ими не совсем точно. Смысл этого расчленения у Соссюра был следующий: *langue* — (язык) — это абстрактная индивидуальная система; *faculté du langage* — это языковая способность индивида. Обе эти категории объединяются термином *langage* — "речевая деятельность", которая, в

очередь, противостоит понятию *parole* — речь как индивидуаль — ный акт, реализующий языковую способность через посредство языка как социальной системы. Язык и языковая способность противопоставлены как социальное и индивидуальное, а речевая деятельность — речь — как потенция и ее реализация. Таким образом, Соссюр строил свою систему достаточно четко, используя две системы координат¹⁾.

Однако эта концепция оставалась неизвестной читателям "Курса", поэтому содержание терминов *langue*, *langage*, *parole* интерпретировалось по-разному, тем более что точного соответствия этим словам в других европейских языках не нашлось и адекватный перевод их на русский, немецкий и английский языки был невозможен.

Проще всего обстоит дело с первым термином, *langue*. Это слово и означает собственно "язык". Но двум другим терминам в русском соответствовало только одно общепотребительное слово "РЕЧЬ", значение которого было очень широким. Оно покрывало собой оба смысла, различающиеся во французском. Так же обстоит дело и в немецком, где слову "*Sprache*" (язык) противопоставлено слово "*Rede*", по смыслу очень близкое к русскому "речь".

Однако, если вдуматься в употребление слова "речь", можно уловить, почувствовать в нем те смыслы, которые во французском выражаются разными словами. Так, мы говорим, с одной стороны: "У него хорошая, правильная русская речь", "Его недостатки речи у детей исправляют логопеды" "учитель-словесник должен развивать речь своих учеников, добиваться того, чтобы она стала правильной и богатой". А с другой стороны: "Президент выступил с речью", "Я не мастер говорить речи", "Его горячая, сбивчивая речь произвела на меня сильное впечатление" и т.п., где смысл слова "речь" и совсем тот, что в первой группе примеров.

1) А.А. Леонтьев. Язык, речь, речевая деятельность. М., Просвещение, стр. 12-13; R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève-Paris, 1957.

В первом случае "речь" обозначает **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЦЕСС** говорения. Фразы этой группы легко перестроить, заменив существительное "речь" глаголом "говорить" или отглагольным именем "говорение". Например: "У него хорошая речь" - "Он хорошо, правильно говорит"; "Если дети плохо говорят, с ними должен заниматься логопед". Во второй группе примеров "речь" означает уже не столько процесс, сколько некую сущность, являющуюся результатом процесса, то сообщение, которое передано при помощи звуков в данном речевом акте.

Конечно, эти оттенки значения русского слова "речь" обна- руживаются в контексте, они не так сильно и ясно контрастируют между собой, как значения самостоятельных французских слов, да и по содержанию далеко не полностью соответствуют тому, что имел в виду Соссюр. Использовать разные значения слова обыден- ного языка для выражения двух противопоставляемых друг другу понятий в языке науки вообще нельзя. Поэтому в переводе книги Соссюра на русский язык (1931 г.) был использован термин "гово- рение", но и он оказался не очень удачным.

Нечеткость соссюровского термина в том изложении, в ко- тором он был известен в науке, привела к тому, что после много- кратных, но малоуспешных попыток вложить в эти термины четкие смыслы он выродился в двучлен "язык-речь".

В 30-е гг. вышла в свет широко известная работа акад. Л. В. Щербы "О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании", где рассматривается этот же круг проблем. Первый аспект, который выделяет Л. В. Щерба, - это "речевая организа- ция", - понятие, близкое по содержанию к "речевой способности Соссюра. Второй аспект - это "языковая система" (ср. langue), и третий - "языковой материал" - или "речевая деятельность". Это понятие можно сопоставить с "parole" Соссюра, однако при этом сопоставлении выявляется не столько параллелизм, сколько свое- образие этих понятий. Поэтому кажется закономерным дальнейшее расчленение, предложенное Л. Р. Зиндером и Н. Д. Андреевым: язык - реч - речевой акт (ср. parole) - речевой материал.

Проблематика, связанная с речевой способностью, уклоняется в сторону от собственно лингвистической проблематики и лежит

скорее в области лингвопсихологии. На остальных полях этой груп- мы подробнее остановимся ниже. Но сейчас мне хотелось бы обратить внимание на то, что в ряду этих понятий все еще отсут- ствует понятие "текст", отношение которого к понятию "язык" мы хотели выяснить.

Это понятие появляется в лингвистике в совершенно ином контексте, - в контексте концепций американской лингвистической школы. Американская дескриптивная лингвистика исходит не из соссюровского противопоставления "язык-речь", а из противопо- ставления "текст" - "интерпретация текста лингвистом". С одной стороны, это противопоставление как будто бы родственно той по- ставке вопроса, о которой мы говорили выше, - проблемы источ- ника знания (текст) и его отнесения (язык). С другой стороны, это все же другая проблема и другая постановка вопроса: здесь оказывается снятым вопрос об отношении между текстом и языком, ибо сам язык предстает не как объект, подлежащий изучению, а как наше представление, как построенная нами модель, объекту которого в системе понятий (онтологии) не отводится места.

4. Язык как система знаков

Главной задачей лингвистики Соссюр считал изучение **ЯЗЫКА**. Ему важно было вычленить этот объект, чтобы показать, что имен- но он является "красочным камнем" лингвистики как науки, что именно им определяется область "внутренней", "имманентной" лин- гвистики, "микрولينгвистики", как стали говорить позже, - в от- личие от "внешней лингвистики" или "макрولينгвистики", общая за- дача которой состоит в изучении отношений между языком и "чем- то другим": обществом, индивидом, мышлением и т. д.

Было бы неверно думать, что, акцентируя проблему изучения языка (а не речи), Соссюр "отвлекал" внимание лингвистов от изучения проблем, связанных с речью или с текстами. Как до Сос- сюра, так и после него язык был и остается главным предметом лингвистических исследований. "Лингвистики речи" как особой об- ласти лингвистического знания в то время практически не сущест-

вовало. Задав это расчленение, он объективно указал на возможность такого направления исследований, и одновременно показал его отличие от центрального направления — исследования языка как системы знаков. Он показал, что это разные проблемы, и какую бы из них мы ни хотели решать, мы прежде всего должны стремиться к тому, чтобы четко ее постарать.

Язык определяется Соссюром как система знаков, используемых людьми для передачи сообщений. Знаки, элементы этой системы, предстают как особого рода "двусторонние" сущности, "соединения смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны". Языковые знаки, будучи психичны по своей сущности, не являются абстракциями: "ассоциации, скрепленные коллективным согласием, совокупность которых и составляет язык, суть реальности, имеющие местонахождение в мозгу" /стр. 39/.

Язык — не простая совокупность знаков. Это система, все элементы которой связаны друг с другом и определяют друг друга. Каждый элемент занимает в ней какое-то определенное место, которое определяет собой его значимость. Каждый элемент системы противостоит другому (другим) в каких-то определенных отношениях, по каким-то определенным признакам. Сопряженные, связанные между собой элементы в каких-то отношениях эквивалентны друг другу, а в каких-то других противостоят друг другу как разные, особые языковые сущности. Поэтому каждый язык может быть понят не только и не столько как система элементов, связанных какими-то отношениями, но прежде всего как система отношений, связывающих элементы. При изучении языка в большей мере, с большей легкостью можно отвлечься от "сущностей", вступающих в отношения, но не от отношений, в которые они вступают.

Мы уже говорили о том, что каждый язык — это особая система "ограничений", налагаемых на сочетаемость элементов. Эти ограничения связаны природой знаков. Но с учетом этих ограничений естественные языки оставляют говорящему очень большую свободу выбора. Процесс речи представляет собой сплошную цепь "выборов", которые говорящий делает между знаками, предлагаемыми ему языком. Возможность и необходимость выбора, волевого решения делает речь глубоко творческим процессом. Соссюр определя-

ет ее как "индивидуальный акт воли и понимания".

Противопоставление этих понятий, отделение языка от речи, то есть от речевой деятельности и от порождаемого ею продукта, позволило Соссюру сосредоточить внимание на вопросе о том, что же представляет собой язык как таковой, к какому классу, к какой категории явлений он принадлежит.

"Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен раньше всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка; а лингвистические факторы, на первый взгляд кажущиеся весьма существенными (например, функционирование голосового аппарата), следует рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку они служат только для отличия языка от прочих семиологических (знаковых) систем" / 21, стр. 41/.

Разграничив "язык" и "речь", определив язык как систему ЗНАКОВ, используемых с целью общения, Соссюр ТЕМ САМЫМ выделил и назвал тот существенный признак объекта, по которому мы можем "уравнять" его с другими объектами, "строить" для него категорию рода. Надо отметить, что такая логическая процедура для нас гораздо менее обычна, чем "обратная", то есть выделение вида внутри рода, который известен заранее: дерево — и его виды, разные деревья, язык — и разные языки. Но мы уже видели, что язык не относился ни к какому роду явлений. Это "частное", хотя само по себе и очень широкое, емкое понятие исторически предшествовало пониманию той родовой категории, в которую оно включается.

Этой родовой категорией являются "ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ", в частности, те знаковые системы, которые используются людьми как средство общения. Языки — естественные, "естественные" человеческие языки — являются не единственными системами такого рода, хотя с полным основанием могут быть названы важнейшими среди них.

"Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтвости, с военными сигналами и т.д. Он так же наименее важная из этих систем" / 21, стр. 40/.

Как только Соссюр в отчетливой форме поставил эту проблему, так оказалось, что вокруг нас существует множество разнообразных знаковых систем, в том числе и таких, которые в разных отношениях подобны языку и, отличаясь от него в некоторых отношениях, помогают уяснению его собственной природы.

Наряду со звуковыми языками в обществе используются, например, "языки жестов". Они, безусловно, играют сейчас только вспомогательную роль. Жесты у нормальных людей сопровождают звуковую речь, но не заменяют ее. Жестами — без звучащей речи — можно выразить только простейшие сообщения. Например, "по-русоки" легкий наклон головы вперед ("кивок") означает согласие, "переводится" словом "да", а покачивание головой слева направо и обратно означает несогласие, "переводится" словом "нет"; помахивание рукой (кистью), вытянутой вперед, означает прощание (ср. "до свидания"), а помахивание пальцами руки, поднятой вверх, — обычно на уровне головы, — приветствие.

Подобные жесты отнюдь не являются природными. Это такие же "условные" знаки, как и слова естественного языка, и они так же передаются от поколения к поколению в пределах каждого данного общества. Представителей разных народов одно и то же содержание выражается разными жестами, а один и тот же жест может быть совершенно разным, даже противоположными смыслами (наклон головы может означать "нет", а покачивание слева направо, как в китайском, "да").

Далеко не все жесты переводимы на язык слов. Тем более затруднительно установление обратного соответствия между словом и жестом: далеко не все категории слов могут иметь соответствия, даже относительные, в языке жестов. Жест в принципе соотносительнее со словом как элементом предложения, а со словом-предложением, — ср. "да", "нет", "продайте", "здравствуйте!", "привет". Многие жесты соотносимы с междометиями, составляющими, как известно, особый класс слов, функционально эквивалентных целостным экспрессивным высказываниям. Междометия способны иногда входить внутрь предложения, но не способны становиться его членами (об автономном употреблении типичных "Далеко грянуло УРА", Его "ПРО-

ЩАИ" прозвучало почти весело", мы сейчас не говорим: здесь слов обозначает самого себя). Междометия выражают чувство, переживания, оценки человека. В этом отношении подобны им многие традиционные, прежде всего мимические, "жесты лица". Значимые жесты, например, поднятие бровей вверх означает удивление ("О!"), сближение их у переносицы — "намурить брови" — неугловольствие ("Эх!.."), в соединении с вытягиванием губ — сильное неудовольствие, отвращение ("Брр!..").

Многие (и не все) "канонизованные", общенациональные жесты фиксированы в языке слов, имеют в нем свои названия. Например, "покачать головой", "махнуть рукой", "топнуть ногой", "пожать плечами", "подмигнуть", "плюнуть" (ср. междометие "тьфу!"), "развести руками", "поёжиться" и м.др. Подобные выражения, если они состоят более чем из одного слова, называют фразеологизмами. Они выражают некоторый смысл, непосредственно не следующий из значений входящих в него слов (ср. "опустить руки" — отказаться от активных действий в какой-то конкретной ситуации; но в другом контексте это выражение может иметь и прямой значение, — например, на уроке гимнастики, на приеме у врача; выражение "опустить глаза" означает только "значачий жест" — "застыдиться", "смириться". В других случаях мы можем "посмотрел вниз", "посмотрел на что-то" (вниз).

Эти словесные выражения (однословные и состоящие из нескольких слов — ср. "опустить глаза" и "потупиться") принимают на себя смысловое содержание с ответствующего жеста как элемента особой самостоятельной знаковой системы. Жестикуляция и мимика потому и сохраняют свое место в нашей общении, регулярно дополняя собой звуковую речь, что они выражают часто нечто такое, чему в языке слов нет соответствия.

Язык жестов, к сожалению, изученный пока очень мало, представляет для общего языкознания особый интерес потому что эта знаковая система возникла, сформулировалась независимо от "языка слов": в словах отражаются знаки — жесты, но не наоборот. Некоторые ученые предполагают, что исторически язык жестов мог предшествовать звуковому языку, что в истории человечества был

длительный период, когда именно жесты, а не звуки, были главным средством человеческого общения.

Общее между языком жестов и звуковым языком состоит в том, что обе эти системы используются с целью общения, для передачи сообщений. Различия между ними — двоякого рода. Внешние различия состоят в том, что "обозначающим" в одном случае является звук, производимый движением органов речи, и воспринимаемый слухом, в другом — движения руки или других частей тела, воспринимаемые глазом. Другое, гораздо более существенное различие касается не способа передачи сообщения, а самого "внутреннего устройства", семиотической (знаковой) природы сообщений, которые передаются знаками каждой из этих систем.

В языке жестов каждый "отдельный" жест представляет собой соединение ряда движений, как следующих друг за другом, так и одновременных (движения двух рук — удивление; движения разных мускулов лица и т.д.). Но в плане содержания этому множеству движений соответствует один нечленимый смысл. Поэтому и в плане выражения жест, как бы он ни был "физическим" сложен, тоже оказывается семиотически нечленимым — в нем нельзя выделить "частей", которые были бы сопоставимы с отдельными звуками, составляющими слово (д-а), (н-е-т) или со словами, составляющими предложение (ср. жест "всплеснуть руками" и фразы "Да неужели?", "Что вы говорите?").

В звуковом языке, как мы знаем, из звуков складываются обложки слов, из слов — предложения, которых можно построить сколько угодно. Понятно, что членимость звукового языка, то свойство, о котором мы говорили выше, — "комбинированность" элементов, — дает ему огромное преимущество перед языком жестов, ибо на последнем можно выразить, передать только те "одночленные" сообщения, которые как целые предусмотрены этой системой, соответствуют какому-то ее элементу.

Отсюда уже в принципе ясно, что язык жестов — это "язык без грамматики", то есть язык несравненно более примитивный, чем любой звуковой "естественный" язык, какой только можно себе представить. Однако можно предположить, что наши современные языки в

очень отдаленном прошлом тоже были "языками без грамматики", — появления грамматики должно было произойти на каком-то этапе становления homo sapiens, преобразования первобытного стада в человеческое общество. Возможно, что "языки животных", которые пока еще совершенно не изучены, дадут параллели этим "языкам без грамматики", но нельзя исключить и того, что среди них могут оказаться и такие, в которых мы обнаружим какое-то "грамматическое начало". То малое, что известно сейчас о "языке пчел", "языке муравьев", а также о "языке дельфинов", не позволяет исключить такую возможность.

Кроме "языка жестов" и практически совсем неизвестных нам "языков животных", которые относятся к естественным языкам человеческих обществ как низшие к высшему, известны и другие знаковые системы, связанные с естественными языками отношениями другого типа. Многие из этих систем во времени следуют за естественным языком, предполагают его уже существующим, создаются и развиваются на его основе. Иначе говоря, они не являются независимыми, самостоятельными в своих истоках, но могут быть названы "вторичными" по отношению к естественному языку.

Так, например, современная наука, в частности, математика, — использует свой, специфический язык, свою особую систему обозначений, фиксирующих математические смыслы: "=", "≡", "⊥", "∞", "∞", "Δ" и мн. др. Однако нет сомнений в том, что эта система знаков сложилась в итоге развития и уточнения представлений, выражаемых с помощью слов и словосочетаний естественных языков.

Знаковую природу имеют и многие другие системы, обслуживающие общество в различных отношениях. Знаки используются не только для передачи сообщений, обмена мыслями, но и с другими целями. Так, например, с помощью знаков обмениваются, безусловно, деньги, символизирующие и представляющие в предельно обобщенной форме абстрактный человеческий труд. Совершенно другой природы знаки составляют "язык музыки". Ср. также "язык" карточного гадания, т.е. систему символов, которую предполагает процедура гадания, "язык" регулировки уличного движения и мн. др. Кстати сказать, язык регулировки уличного движения — "язык

светофоров" — представляет интерес с точки зрения того, что при крайней "лексической" бедности, — всего три "слова"—сигнала: "красный", "желтый", "зеленый", — это язык с "жесткой" примитивной грамматикой, которая почти полностью детерминирует "речь", не оставляя "говорящему" свободы выбора: К → Ж → З → Ж → К → Ж → З...

Особое место среди семиотических систем занимает система ПИСЬМА. Вопрос о ней, о ее происхождении, о характере ее отношений к звуковому языку — и в прошлом, и в настоящем — представляется одновременно и очень интересным, и очень важным — и не менее сложным. Представление, будто письменная речь "просто" воспроизводит речь звуковую, в свете современных научных данных не выглядит убедительным. Многие говорят в пользу того, что по происхождению это были две относительно независимые системы, сблизившиеся в процессе своего исторического развития. Но об этом нам еще предстоит говорить позже.

Сформулировав общее понятие "знаковой системы", Ф. де Соссюр предсказал возникновение в недалеком будущем, которое для нас стало уже настоящим, новой науки или целого комплекса наук. Эту еще не существовавшую науку он назвал "семиологией", то есть наукой о знаках. Сейчас она получила название семиотики. В системе семиотических наук лингвистике по праву принадлежит главное место. Это самая древняя семиотическая наука, достигшая к нашему времени больших успехов и способная служить образцом для других формирующихся семиотических дисциплин. В наши дни складывается, оформляется в особую отрасль знания, обособляется от лингвистики наука "терминология", предметом которой являются специальные "языки" науки и техники, функционирующие по законам, во многом не совпадающим с законами обиходного языка.

III. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I. Речь как процесс общения

Речь в ее противопоставлении языку понимается как нечто текущее, движущееся, как процесс порождения высказываний, но одновременно и как результат, порождаемый в этом творческом акте, как продукт говорения — само высказывание. Но понятно, что процесс и продукт — не одно и то же. Поэтому сейчас, говоря о речи, условимся понимать ее как процесс использования языковых знаков с целью передачи сообщений от человека к человеку, как процесс общения людей.

Что же представляет собой этот процесс? В каких терминах и понятиях мы можем его описывать? Какими постоянными и какими переменными признаками можно его охарактеризовать? Как сравнивать между собой различные акты речи, что может быть общего и что существенно отличает один от другого отдельные речевые акты, имеющие место в действительности?

Описание процесса всегда несколько отличается от описания сущностей и связано с некоторыми специфическими трудностями. Всякий процесс протекает в каких-то внешних условиях, и эти условия, существенно определяющие его, могут меняться, варьироваться в каких-то пределах. При этом возможны такие изменения условий, которые не затрагивают существа процесса, а возможны такие, которые очень существенно модифицируют его или делают невозможным его протекание.

Описание процессов необходимо предполагает выявление тех условий, в которых они протекают, условий, которые строго необходимы, чтобы процесс мог протекать, а тех изменений этих условий, которые модифицируют его определенным образом.

Речевой процесс, как и всякий другой, предполагает какие-то необходимые условия, без выполнения которых о речи говорить нельзя. Но в чем состоят эти условия — сразу ответить трудно, потому что реальные условия человеческого общения бесконечно многообразны, и чтобы отделить существенное от несущественного, нужен анализ.

Из своего жизненного опыта мы знаем, что люди разговаривают, встречаясь на службе в гостях, дома, на улице, разговаривают с родными и с посторонними, незнакомыми; беседуют по телефону, перешептываются и обмениваются записками на собраниях; делают доклады, слушают их, обсуждают официально и в кулуарах; читают книги, газеты, объявления и рекламы; слушают радио, отвечают уроки, заполняют анкеты, шлют телеграммы и т.д. и т.п. Ни одна из конкретных ситуаций, в которых происходит общение, не тождественна никакой другой, и каждая может быть охарактеризована неограниченным числом признаков. На какие же признаки мы должны обращать внимание, какие из них существенны с лингвистической, семиотической точки зрения?

Стремясь к ограничению реального многообразия, построены фактов, научное описание с подвешивает этому множеству свою типологическую схему, где каждый тип определяется заранее заданным набором признаков - "переменных". Так, все множество согласных звуков русского языка описывается наборами из 4 переменных - место, способ образования, участие гласных, наличие или отсутствие палатализации. Чтобы описать речевые процессы, сравнивать их друг с другом, тоже нужно задать подобный набор переменных, то есть перечислить те общие признаки, которые обязательно должны быть налицо, если мы констатируем, что акт общения имеет место.

Чтобы выделить эти признаки, рассмотрим сначала элементарную, простейшую ситуацию общения - разговор двух людей.

2. Простейшая речевая ситуация.

Представим себе, что двое знакомых подходят к остановке автобуса. Один из них, более дальновзоркий, говорит другому: "Смотри, твой автобус подходит, беги!" Второй машет ему рукой и бежит к автобусу.

Что в этой банальной ситуации существенно? Какие ее признаки могут быть или не быть, а что обязательно должно быть, чтобы общение произошло?

Ясно, что если бы к остановке шел один человек, а не два, никакого разговора не произошло бы. Для общения необходимо минимум два человека. Назовем их Говорящим и Адресатом. Говорящий и Адресат - это не имена людей, а имена РОЛЕЙ в процессе общения. Эти роли могут меняться и обычно постоянно меняются в диалоге. Говорящий становится слушателем (Адресатом), и наоборот. Однако для того, чтобы общение осуществлялось, необходимо, чтобы обе эти роли одновременно "исполнялись" кем-то, а для этого необходимо минимум двое людей. Конечно, бывают случаи, когда человек разговаривает сам с собой. Однако это почти всегда воспринимается как аномалия, как признак нервного или психического расстройства, сильного возбуждения и т.д. Во всяком случае, такая ситуация никак не может быть названа "простейшей" речевой ситуацией: наоборот, она включает в себе гораздо большую сложность, - например, включает "раздвоение личности" и др.

В нашей ситуации разговаривают двое знакомых. Но для факта общения это условие, разумеется, не существенно: разговаривать могут и незнакомые люди. Не существенно то, что они идут к остановке, - разговаривать можно и сидя, и стоя, и на улице, и в помещении. Однако это условие может меняться лишь в некоторых пределах. Так, например, если бы наши знакомые купались в море, и при этом один из них нырнул или стал тонуть, разговор между ними стал бы невозможен, потому что водная среда непроницаема для звуковых волн, - по крайней мере в той степени, в какой это необходимо, чтобы наши органы слуха могли уловить посланные сигналы.

Таким образом, мы видим, что, кроме наличия минимум двух людей, для общения необходимо и второе условие: наличие канала связи. В простейшем случае таким каналом является воздух, в котором распространяются звуковые волны, несущие информацию. Эти волны создаются движениями органов речи Говорящего и принимаются органами слуха Адресата. Поскольку эти передатчик и приемник всегда при нас, мы можем не замечать их, как не замечаем и воздуха. Но оказавшись в специфических условиях, исключающих возможность использования этого естественного, "природного" канала, мы сразу ощутишь его значимость в речевой ситуации.

Третье условие, которое определяет собой ситуацию речевого общения, представляет СТИМУЛ, побуждающий людей разговаривать, то есть наличие каких-то причин и целей, достигаемых этим способом. Естественно предположить, что если люди действительно разговаривают, какой-то стимул к общению у них есть, ибо в противном случае они бы молчали. Конечно, конкретные стимулы могут свободно и широко варьироваться. Иногда человек говорит "Налей мне чая", потому что он хочет пить. Тут адресат выступает как средство удовлетворения собственной потребности Говорящего. В другом случае он говорит "Беги!" - например, видя, что Адресат ургчает опасность (в нашем случае - опоздать на автобус). Это "обратная" ситуация, где целью высказывания является благо другого, а причиной - забота Говорящего о нем. Но гораздо чаще и причина, и цель выступают в нерасчлененном единстве и могут слабо осознаваться самими участниками речи. Ведь нередко мы говорим просто потому, что нам хочется рассказать, поделиться с кем-то увиденным, услышанным, прочитанным; потому, что мы получаем удовольствие от самого ПРОЦЕССА обмена информацией.

Очень характерна в этом смысле свойственная, по существу, всем людям потребность делиться с кем-то своими переживаниями, советоваться, - хотя известно, что люди очень редко следуют советам, полученным со стороны, но чаще подчиняются своему собственному внутреннему голосу. Природа этой потребности пока остается мало понятной, - как, впрочем, и многих других социальных потребностей и эмоций (ср., например, так называемое "эстетическое" удовольствие, переживания, связанные с этикой). Но вопрос этот в наши дни уже ставится на научное обсуждение (ср., напр., книжку В.Н.Тростникова "Человек и информация", М., Наука, 1970).

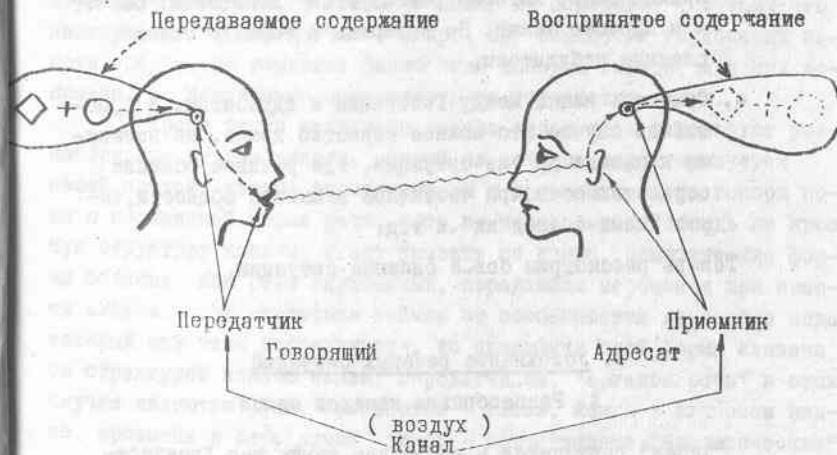
Четвертым условием, которое также строго необходимо, чтобы общение осуществилось, является единство языка, то есть того "кода", который использован говорящим при построении и передаче сообщения.

В нашей простейшей ситуации люди, вступившие в разговор, естественно мыслятся как члены одного общества, носители одного языка, который является родным для обоих.

Конечно, такое полное единство языка не обязательно, чтобы разговор состоялся. Разговаривать можно и с иностранцем, например, если он знает твой язык или ты его. В таком случае диапазон общения неизбежно сужается в той мере, в какой хотя бы один из участников разговора ограничен во владении данным языком. Если двое людей не имеют общего языка, который стал бы посредником между ними, разговор становится невозможным.

Рассмотренную нами простейшую речевую ситуацию можно изобразить следующей схемой:

Схема I.

В современном обществе с его развитой, богатой и сложной системой коммуникаций мы постоянно сталкиваемся с гораздо более сложными вариантами общения, с речевыми ситуациями, которые характеризуются разнообразными "разрывами" тех естественных, органических связей, единство которых определяет собою эту простейшую ситуацию. Но прежде чем переходить к рассмотрению различных разрывов, зафиксируем в общем виде те аспекты речевой ситуации, которые мы признали необходимыми для всякого речевого общения. Их оказывается 4:

1. Наличие человеческого коллектива, в котором происходит общение. В простейшем случае это 2 человека, находящиеся рядом, но в принципе их может быть не 2, а больше, и они могут быть по-разному "оторваны" друг от друга.
2. Наличие канала связи. В простейшем случае это воздух и органы нашего тела, — но возможно использование и многих других каналов, как естественных, так и искусственных.
3. Наличие стимула общения. В простейшем случае это прямая цель, которая реализуется действием: "бежит!" — и Адресат бежит. Но возможны и гораздо более сложные побудители.
4. Общность языка между Говорящим и Адресатом. В простейшем случае это полное единство языка, но возможны и многие другие ситуации, где речевое общение осуществляется при частичной языковой общности, через "язык-посредник" и т.д.

Теперь рассмотрим более сложные ситуации.

3. Усложнение речевых ситуаций

А. Разнообразие каналов связи

"Канал" понимается в общепринятом языке как "искусст-

венное русло, наполненное водой", как "всякое узкое длинное полостное пространство внутри чего-либо в виде трубы, трубки" (канал ствола) и — переносно — как "путь, средство для достижения чего-либо", — "избрать для переговоров дипломатические каналы". Если мы хотим использовать это слово как термин, его значение нужно уточнить, то есть вложить в него смысл, не присущий ему в обычном языке. С точки зрения нашей задачи под каналом удобно понимать конструкцию, включающую в себя материальную среду, через которую передается сообщение, а также передатчик и приемник. Именно единство этих компонентов составляет канал. Говорить о воздухе как о канале было бы бессмысленно вне связи с речевым аппаратом Говорящего и слуховым аппаратом Адресата речи. Воздух становится компонентом канала, когда он соединяет передающее и принимающее устройства, и с этой точки зрения "круговой" характер распространения звуковых волн оказывается неуместным.

Понятно, что этот канал-конструкция может действовать только в том случае, если все его части налицо и исправны. Люди не могут обмениваться устными сообщениями, если хотя бы один из них окажется под водой. Общение окажется невозможным, канал не будет функционировать также и в том случае, если повреждены приемник или передатчик. Например, глухой не может воспринимать звуковых сообщений, а немой не может их передавать, потому что неисправен его передатчик (напр., нет языка). У глухонемых немота следствие из глухоты: физический аппарат говорения у них исправен, но неисправно контролирующее устройство, слух.

Кроме этого основного канала связи люди используют разнообразные другие каналы, каждый из которых характеризуется своей средой, своими передатчиками и приемниками. Не говоря пока о письменной форме речи, которая предполагает отнюдь не простую структуру канала, стоит указать на такие специфические формы общения, как речь глухонемых, передающих сообщения при помощи жестов. Если отвлечься сейчас от особенностей языкового кода, который при этом используется, то специфика этой формы связана со структурой канала связи: передатчиком, "органом речи" в этом случае являются руки, приемником — глаза. Как и в звуковом языке, приемник и передатчик здесь — естественные, "биологические"

(что относится и к "языку свистов", известному у некоторых южных племен). Передающей средой является воздух, но, в отличие от звукового общения, здесь используется другое его свойство: проницаемость для световых волн.

Многие системы связи, предполагающие использование как обычного языкового, так и других кодов, рассчитаны на использование искусственных устройств, заменяющих естественные передатчики (то есть органы нашего тела), или усиливающие их; вспомним речь с микрофоном, известный африканский "там-там", предполагающий использование барабанов (звуки которых распространяются по воздушному же каналу - но дальше, чем звуки человеческого голоса), "свистки" милиционеров и мн. др. Другие системы предполагают газ воздушную, а какую-то иную среду. При этом они могут предполагать также и искусственные передающие и принимающие устройства, но могут и не предполагать таковых, - ср., например, перестукивание заключенных, где средой является твердое тело - стена.

Наряду с этими частными, специфическими системами передачи сообщений широко, в наши дни в мировом масштабе используются и многие другие системы, предполагающие искусственные и технически сложные каналы. Это радио, телефон, телеграф, использующие электромагнитные колебания и связанные со сложными передающими и принимающими устройствами.

Может показаться, что мы сейчас довольно далеко отошли от проблемы, озаглавленной "язык и речь". Какое отношение к этой проблеме имеют "технические" вопросы устройства радиопередатчиков, телефонов и телеграфа? Однако связь между этими проблемами есть, и достаточно тесная. Совсем не случайно американские телефонные компании вкладывают капиталы в лингвистические исследования. Оказывается, что емкость каналов связи, в частности, телефонных, следует рассчитывать с учетом особенностей языкового кода, который используется при конструировании сообщений, передаваемых по этим каналам. Лингвистические исследования, которые проводились в последние десятилетия (в частности, по заказу телефонных компаний), показали и обратную сторону этой связи: выяснилось, что люди, разговаривая по телефону,

используют значительно меньший запас слов, чем в обычных "личных" беседах. Очень возможно, что "телефонный язык" отличается от обычного и в некоторых других отношениях.

В заключение остановимся еще на одном канале, который представляется мне особенно сложным, хотя в техническом отношении он как раз достаточно прост. Я имею в виду канал, по которому передаются ПИСЬМЕННЫЕ сообщения.

Письменная форма является второй важнейшей формой существования естественных языков. Она дополняет собою звуковую речь во всех цивилизованных обществах, и цивилизация невозможна, немислима без письма.

Функциональные отношения между этими двумя формами определяются тем, что воздушные волны, производимые органами речи, распространяются на очень ограниченное расстояние и совершенно не способны храниться во времени.

Между тем, потребность передавать сообщения на значительные расстояния в пространстве и транслировать их во времени была присуща человеческому обществу уже в глубокой древности, - можно сказать, изначально. По мере развития общества она становится все острее. Поэтому во все времена люди искали способы преодоления этой ограниченности звуковых языков, используя для этого другие каналы связи.

Основной способ, найденный людьми для решения этой задачи, - письмо. Важнейшая особенность письменной формы общения по сравнению с устной состоит в том, что ПРОДУКТ речи получает здесь отдельное, относительно самостоятельное существование. Он ОТРЫВАЕТСЯ от людей, причем, в принципе, в разной мере и от автора (Говорящего) и от Адресата. Именно этим обстоятельством и определяется возможность транспортировать письменные сообщения в пространстве (куда автор остается на своем месте) и транслировать их во времени (в частности, передавать далеким потомкам).

Таким образом, в структуру "канала", по которому передаются письменные сообщения, включаются сами пространство и время, то есть та "среда", в которой существует материальный мир. Письменные сообщения перемещаются в этой среде так же, как

и другие материальные предметы: их переносят, перевозят на поездах, кораблях, самолетах, они движутся со скоростями человеческих перемещений, поэтому мы не можем отвлечься от этого обстоятельства, как отвлекаемся от скоростей распространения волн.

Однако подробнее об этом мы будем говорить позже, в разделе, специально посвященном тексту. Сейчас нам важно лишь обратить внимание на разнообразие каналов передачи сообщений, базирующихся на естественном языковом коде, и на их отношения друг к другу. С этой точки зрения нас должен интересовать вопрос об ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ различных "каналов", об их ВЗАИМОЗАМЕНИМОСТИ. Глухой не может услышать звуков, — но он может увидеть жесты, и при помощи жестов ему можно передать нужное сообщение. То же самое сообщение живущему далеко приятелю мы можем передать по телефону, а если у него нет телефона — послать телеграмму или письмо, содержащие то же самое сообщение.

Если нам нужно известить о чем-то сразу многих разобщенных людей, мы можем ЭТО ЖЕ сообщение передать по радио. Фраза, произнесенная, продиктованная учителем, остается ТОЙ ЖЕ фразой, будучи записана на доске мелом, в тетрадях чернилами, в учебнике — напечатана типографской краской. Она останется той же, будучи записана на магнитофонной ленте или граммофонной пластинке, и так далее

Возможность и даже легкость (правда иногда кажущаяся) таких замен свидетельствует о том, что для самого СУЩЕСТВОВАНИЯ речи как обмена информацией — особенно существенно, по какому каналу передается сообщение, какую именно форму оно принимает "в пути". Но совершенно необходимым является КАКОЕ-ТО физическое осуществление сообщения. Без этого, сложившись о речевом процессе говорить нельзя. В голове у говорящего может сложиться сколь угодно четкое, структурно оформленное предложение, но без физического воплощения — в звуки, буквы, в жесты или во что-то иное — оно никогда не сможет выйти за пределы его головы, его индивидуального сознания. Речь — это именно ОБМЕН информацией, именно ВЫХОД мысли за пределы

породившего ее сознания.

Однако структура канала определяется не только — средой, но также и передатчиком и приемником. Приемником письменных сообщений являются глаза, читающие текст, "снимающие" его с предмета, на который нанесены графические обозначения. Передатчиком является человеческая рука, — но, в отличие от жестикулирующей руки, она обязательно должна быть оснащена орудием письма, — будь то нож, палочка, перо, карандаш, пишущая машинка.

Мы уже говорили о том, что даже телефонная форма связи, не требующая от Говорящего и Адресата каких-то специфических речевых действий, оказывает определенное обратное действие на используемый ими код, ограничивает возможности выбора между его элементами. Естественно предположить, что письменная форма общения тоже связана с модификацией языкового кода. Конечно, мы пишем НЕ ТАК, как говорим: на письме мы часто пользуемся другими словами и оборотами, по-другому строим фразы, используем знаки препинания и т.д. Поэтому вопрос, поставленный в конце II раздела, — об отношениях между языком и знаниями о языке, извлеченными из письменных текстов, — и представляется заслуживающим внимания и специального обсуждения.

Б. Разные типы субъектов общения

Две роли, необходимые для общения, в простейшем случае "играемые" двумя индивидами, могут исполняться и коллективами. Так обстоит, например, дело, когда лектор или докладчик обращается к аудитории. И мы хорошо знаем, что это изменение структуры субъекта общения существенно сказывается на качествах самого общения: диалог уступает мест монологу, короткие реплики — длинным, сложно организованным синтаксическим построениям и т.д. Для этой ситуации характерно то, что роли Говорящего (индивида) и Адресата (коллектива) прочно закреплены. Но возможны и ситуации другого рода, когда общение принимает форму поллюлога, то есть эти роли свободно переходят

от одного из многочисленных участников разговора к другому, реплики перебивают друг друга и т.п.

Но во всех случаях общий остается, во-первых, то, что Говорящий и Адресат совмещены во времени и пространстве, находятся рядом; во-вторых, то, что они используют один и тот же, первичный канал связи. При этих условиях варьируемые структуры субъекта общения (то есть единого, но расчлененного на "роли" коллектива, в котором происходит общение) ограничиваются само собой, то есть прежде всего возможностями распространения звуковых волн.

Но если мы учтем разнообразие каналов, о котором говорили выше, то увидим, что усложнение способов, форм общения тесно связано с варьированием отношений между Говорящим и Адресатом, то есть с изменением структуры субъекта общения.

Особенно большие возможности в этом отношении предоставляет письмо, использование которого порождает множество специфических речевых ситуаций.

Конечно, возможны и такие формы письменного общения, которые довольно близко воспроизводят характер отношений, типичных для устного диалога. Так, люди, находящиеся рядом, лишены возможности разговаривать, нередко "переписываются", порождая своеобразный "диалогический" текст, а иногда и "текст-полилог". Естественно, они пишут примерно то же, что могли бы сказать, но гораздо короче.

Люди, обстоятельствами жизни разделенные в пространстве, также пишут друг другу примерно о том же, о чем они хотели бы поговорить устно, если бы были вместе. Однако в этом случае отсутствие Адресата и изменение способа общения уже гораздо заметнее меняют всю речевую ситуацию. Во-первых, общение приобретает прерывистый характер, — момент отправления сообщения оптимально отличается от момента принятия его Адресатом. Это само по себе ограничивает содержание общения: в письмах имеет смысл обсуждать только такие вопросы, которые станут актуальными до получения ответа от Адресата.

Существенно отличается от говорения и темп процесса писания, а это, в свою очередь, открывает большие возможности

для вмешательства сознания в этот процесс — и в смысле отбора содержания, и в смысле выбора форм; писание — гораздо более контролируемый процесс, чем говорение.

Адресат письма также воспринимает "записанное иначе, чем сказанное". Дело не только в том, что мы читаем глазами, (используем другой приемник). Текст можно перечитывать несколько раз, извлекая из него новую, дополнительную информацию. С другой стороны, здесь отсутствуют те специфические "усилители", которые олицетворяют устную речь: богатство интонаций, мимика, жесты. Можно сказать, что "одно компенсирует собой другое". Может быть с практической точки зрения это и так, — хотя даже в этом я позволила бы себе усомниться. Если же посмотреть на эти отношения теоретически, то о "компенсации" вообще говорить трудно: при переходе от одного способа к другому мы теряем ОДНО, а приобретаем совсем ДРУГОЕ.

Однако структура субъекта общения остается здесь близкой к той, что мы видели, рассматривая диалог: общаются два индивида. Интервалы между репликами стали длительными, сами реплики удлинились в связи с тем, что Говорящий и Адресат разделены в пространстве, но сама их связь осталась бинарной.

Письменная форма общения делает возможными и другие речевые ситуации, когда характер этой субъективной структуры существенно меняется. Одним из примеров такого рода является художественная литература.

Лев Толстой, автор "Войны и мира", — это Говорящий. Он создает текст романа и посылает его адресату. Но кто этот адресат? Очевидно, что это не один человек, не какая-то узкая группа лиц, и даже не все множество русских современников Автора, но весь русский народ — русская нация — не в узко-этническом, а в культурно-лингвистическом смысле, то есть все люди, читающие по-русски, которые жили и будут жить после появления этого романа.

Работая над художественным произведением, писатель обращается к общенациональной аудитории, ориентируется на вкусы, интересы, потребности многих лично совершенно неизвест-

ных ему людей, пишет всем - и тем самым никому в частности. Но для того, чтобы работать ему необходимо знать, что этот безликий Адресат существует, что написанное до него дойдет. В этой связи с адресатом - необходимым условием ВСЯКОГО общения.

Близко к этому стоит дело и с научной литературой. Человек, пишущий научный текст, может не знать своих будущих читателей, может абстрагироваться от них гораздо полнее, чем писатель-художник, потому что он апеллирует не к чувствам, не к жизненному опыту, а только к разуму, познающему "суть вещей", логические связи явлений. Но труд, вкладываемый в эту работу, рационален, оправдан субъективно и объективно именно постольку, поскольку текст "адресован" тем, кому следует его читать. Как бы ни был безымянен, безлик Адресат, он обязательно есть.

Несколько своеобразнее речевая ситуация, связанная с ведением дневников. Многие, пишущие дневник, субъективно убеждены, что пишут "для себя", что их речь представляет собой "чистый" монолог, не имеющий адресата. Но речи без адресата не может быть, это аксиома общения. И дневник не является исключением. Даже если оставить в стороне некоторое "лукачество" многих авторов дневников, которые втайне надеются "а то, что дневник будет прочтен именно тем лицом, которому он посвящен и от которого он особенно тщательно берегается, если согласиться с тем, что он в самом деле пишется для себя, то и в этом случае, если вдуматься, нетрудно заметить существенное различие между Говорящим и Адресатом. Говорящий - это то "Я", которое существует СЕЙЧАС, в момент, когда создается текст. Этот "Я" знает все, о чем пишет, и написанное не содержит для него ничего нового. Поэтому информация, содержащаяся в дневнике, не может быть для него интересной. Особый интерес, который может представлять для пишущего сама ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ содержания, мы сейчас оставляем в стороне: если этот момент становится для автора релевантным, мы имеем дело уже не с собственно-дневником, а с художественным

произведением в дневниковой форме. Адресатом является, как будто бы, то же самое "Я", - но это "Я" уже неизбежно другое: между первым и вторым лежит ВРЕМЯ, сквозь которое посылается информация. Время, придавая новый интерес посылаемым сведениям, создает и нового адресата для них.

В наши дни разрыв непосредственных связей между Говорящим и Адресатом во времени и пространстве преодолевается не только с помощью письма, но и многими другими способами, - ср., например, передачи по радио. Радиоволны распространяются мгновенно и далеко, в отличие от текстов. Но зато они, как и звуковые волны, не хранятся во времени. Записи на пластинке, магнитофонных лентах способны храниться, как и тексты, но не способны мгновенно распространяться. Соединение этих способов резко усиливает наши возможности.

Следует обратить внимание на то, что с развитием технологии общения, т.е. с переходом от письма к печати, а затем и к техническим способам передачи и хранения звучащей речи, все большее значение приобретает именно "часовые коммуникации". В этом случае Адресат мыслится именно как МАССА (что не совсем так в рассмотренной выше ситуации с ЛИТЕРАТУРОЙ). Интересные изменения происходят и на втором "полюсе", т.е. на полюсе Говорящего. Звуковая речь (говoreние) чисто "технологически" предполагает Говорящего-индивида: хором только поют. Писание тоже обязательно предполагает индивида. Печатаение - уже коллективный процесс также и в том смысле, что "источник информации" тоже в той или иной степени становится коллективным: ср., с одной стороны, обсуждение, редактирование, корректирование текстов, предшествующее публикации, а с другой стороны - собственно коллективное авторство в разнообразных его формах: соавторство, см. проблему "как вы пишете вместе" у Ильфа и Петрова, "авторство" Козьмы Прутков; в истории науки - Бурбаки и мн. др.), коллективные монографии, сборники, журналы и в особенности - газеты. В последнем случае коллективный, обезличенный "Автор" особенно рельефно корреспондирует с массовой аудиторией - Адресатом.

Таким образом, конкретные отношения между Говорящим и Адресатом могут быть очень разнообразными, и обе эти роли могут выполняться как отдельным человеком, так и целыми группами, вплоть до наций. Но неизменным условием общения остается наличие адресата у всякой речи, у всякого текста. Человек не стал бы ни говорить, ни писать, если бы не знал или хотя бы не надеялся на то, что его слова дойдут до какого-то другого человека или других людей.

В. Целевая функция речи

Мы уже немного касались вопроса о причинно-целевой обусловленности всякого высказывания, говорили о том, что даже применительно к естественным, простейшим речевым ситуациям причина и цель постоянно дополняют друг друга, выступая в едином, по существу нечленимом комплексе, который далеко не всегда осознается самими участниками речевого акта. Нередко бывает так, что люди сами не знают, почему и зачем они говорят в данный момент о том-то и о том-то, — но если они разговаривают, значит, у них есть для этого причина, значит, они преследуют какую-то цель. Сейчас мы остановимся на этой стороне вопроса несколько подробнее.

Мы привыкли к тому, что в естественном мире причины определяют собой следствия, предшествуя им во времени. Природа не ставит перед собой целей. Общество — это в некотором смысле продолжение Природы, оно возникает стихийно, само собой, и нет никого, кто создал бы общество по своей воле, по своему пресекту, преследуя свою какую-то цель. Однако человек как член общества — существо разумное. Человек обладает высокой степенью свободы, он не только может принимать, но НЕ МОЖЕТ НЕ принимать волевых решений. А это значит, что он не может не ставить перед собой целей, стремление к достижению которых управляет его решениями. Но это вовсе не значит, что целеполагание всегда ясно осознается людьми.

Общество в целом — это система, еще гораздо более сложная, чем индивид, и обладающая — конечно, в особой, собственной форме — всем тем, чем наделен индивид. Оно также способно к полаганию целей, которые отнюдь не являются "усредненными" целями индивидов и далеко не всегда понятны индивидам и разделяются ими.

Цель — это "причина", во времени опережающая "следствия", которые в этом случае оказываются условиями достижения цели. Если условия не осуществляются, не будет достигнута цель. Когда же вся цепь окажется в прошлом, мы скажем, не осуществились причины, и потому не воспоследствовало ожидавшихся следствий.

Возвращаясь теперь к вопросу о причинно-целевой обусловленности человеческой речи, то есть конкретных высказываний, мы должны подчеркнуть именно целевой аспект этой обусловленности. Он представляется мне ведущим. Речь как СОЗНАТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ произносится ДЛЯ ЧЕГО-ТО в гораздо большей мере, чем ПОЧЕМУ-ТО. Именно поэтому в речевой ситуации абсолютно необходим Адресат.

Это обстоятельство существенно отличает собственно речевые ситуации от других, внешне напоминающих их, но не предполагающих их; человек стонет, ПОТОМУ ЧТО ему больно, и с этой точки зрения не существенно, слышат его или нет; "потому что", а не "для того, чтобы" люди зевают, чихают, чешутся и т.д. Раз здесь нет цели, нет и речевого общения.

Цель речевого высказывания не является чем-то внешним по отношению к самому высказыванию и его субъекту: она устанавливается самим субъектом речи и получает в высказывании непосредственное выражение. Мы и приводили выше примеры высказываний, предполагающих внешнюю, действительную цель "Беги!" — чтобы кто-то бежал, "Дай" — чтобы кто-то дал то, что там нужно. Но это лишь предельный случай целевой функции речи. В подавляющем большинстве случаев между действительной целью, то есть той реальной ситуацией, когда адресат сможет действительно реализовать полученную им информацию, и получением информации лежит более

или менее длинная (часто очень и очень длинная) цепь промежуточных звеньев; проходит долгое время, когда эта информация хранится в памяти, подвергаясь естественному "выветриванию", обобщению и другим процессам.

Всякое нормальное высказывание содержит в себе некоторую информацию о действительности, передача которой расценивается говорящим (а через него — обществом, которое косвенно всегда регулирует содержание общения своих членом) как полезная для Адресата. Передача же этой информации, в общем случае, оценивается как акция, полезная и для самого Говорящего. Мы до сих пор говорим об "однонаправленной" передаче сообщений. Но такая передача — только одна сторона двустороннего процесса — ОБМЕНА информацией. Передавая собеседнику что-то нужное (интересное) для него, мы можем рассчитывать на получение от него информации, нужной для нас, уточняющей нашу и т.д. В целом же процесс обмена информацией составляет острейшую СОЦИАЛЬНУЮ необходимость. Информация необходима членам общества для того, чтобы в разнообразных, заранее непредсказуемых ситуациях жизни принимать обоснованные, целесообразные решения. ОБЩЕСТВУ же необходимо, чтобы его члены принимали именно такие решения, чтобы их действия были взаимно координированы.

В этом смысле всякая передача информации между членами общества может рассматриваться как разумная цель, независимо от того, когда и какие действия за этим последуют. Главная задача — таким образом, цель является активным началом в речевой ситуации.

Именно целевая функция речи определяет собой лингвистическое содержание высказываний, а через содержание — знаковую структуру высказывания в целом.

Но цель высказывания, целевая функция речи — это понятия слишком широкие и абстрактные. Пусть у каждого Говорящего есть какая-то определенная цель, которую, к тому же, сам он слабо осознает. Но у каждого говорящего свои цели, которые, в общем, так же различны, как различны и сами высказывания, построенные в соответствии с этими целями. Один говорит "Дайте мне пить", другой пишет роман. Чтобы пользоваться понятиями "цель", "целевая функция речи", нужно предварительно как-то упорядочить

это бесконечное множество различных целей, свести его к каким-то общим типам, которые можно было бы соотносить с определенными типами высказываний и речевых ситуаций.

Работа эта проделана пока лишь в небольшой степени. Во-первых, типы целей можно подразделить на более общие и конкретные; общие цели определяют собой общий характер общения, вторые — облик отдельных высказываний.

Цели первого типа, определяющие характер (функцию) акта общения, можно подразделять (классифицировать) в зависимости от характера ожидаемой реакции. Цель, в сущности, и есть ожидание некоторой реакции со стороны адресата, но эта реакция может быть разной. Во-первых, она может быть вербальной (словесной, речевой) или не вербальной. Высказывание, ориентированное на вербальную реакцию, — это вопрос. Разумеется, типы вопросов могут быть разными (прямой, косвенный вопрос; вопрос, содержащий предполагаемый ответ или не содержащий, альтернативный "да" или "нет", или не альтернативный и т.д.). Высказывания, не предполагающие вербальной реакции, не требующие ее, в свою очередь, могут предполагать действительную реакцию. Первому типу соответствуют побудительные высказывания, также выражающиеся разными языковыми способами. Второму типу соответствуют "повествовательные", то есть не вопросительные и не побудительные высказывания. Типы этих высказываний особенно разнообразны. Они предполагают "интеллектуальную" реакцию. Реакции этого типа могут быть также очень разнообразны, и можно думать, что типами этих реакций в значительной мере определяются типы, "жанры", "функциональные стили" речи.

От этих широких, общих целей общения отличны конкретные, "локальные" цели, определяющие конкретный облик отдельных высказываний, фраз. Руководствуясь целью, то есть более или менее ясно представляя себе, для чего он говорит, что он хочет сказать, Говорящий оценивает тот кусочек действительности, ту ситуацию, о которой он намерен вести речь. В этой ситуации — объекте речи — он находит для себя какую-то "точку отсчета", то есть "начальную точку", — объект, о котором он будет говорить. Этой начальной точкой всегда избирается нечто такое, что можно принять за данное, уже известное Адресату. Этот элемент называется

ТЕМОЙ высказывания. Разумеется, речь никогда не может сводиться к теме. Если бы о теме не было ничего нового, высказывание было бы не нужным. Поэтому теме всегда противопоставляется РЕМА — элемент, часть высказывания, выражающая то, что высказывается, утверждается относительно темы. Например: "Твой брат УЕХАЛ!" и "ТВОЙ БРАТ уехал!". Хотя по составу словоформ и их расположению обе фразы тождественны, они выражают разные смыслы, потому что в первом случае подлежащее (о определенном) выражает известное (существование брата у Адресата), а сказуемое выражает то новое, что о нем сообщается, во втором же случае данным, известным представляется факт чего-то отъезда, а тот факт, что уехавший — именно брат Адресата, представляется новым.

Членение высказывания (фразы, предложения) на тему и рему называется актуальным членением. Оно, как видно из приведенных примеров, не всегда совпадает с грамматическим членением на подлежащее и сказуемое (состав подлежащего и состав сказуемого). Рема может выражаться любым членом предложения или группой членов предложения. Предложение может состоять из одной ремы, — например, односоставное однословное предложение "Багу!", "Холодно", а также неполные предложения, особенно реплики диалога: "Когда вы приехали? — Вчера". Из одной темы, без ремы, высказывание состоять не может.

Актуальное членение непосредственно, наглядно определяется целью сообщения: говорящий интонацией выделяет именно ту часть, те компоненты в линейной структуре фразы, ради которых он эту цепочку строит, ради которых он говорит. Грамматическое членение передает, в целом, те же отношения, которые в конечном счете определяются целями говорения, но делает это гораздо более опосредованно. Грамматика предлагает говорящим только общ. набор возможностей для достижения самых разнообразных целей, возникающих в процессе общения. Это и различные формы синтаксических конструкций "повествовательных" предложений, и синтаксические схемы вопросов, и конструкции побудительных высказываний разного типа и многое другое.

Г. Относительное единство языка

Акт речи можно считать завершившимся только тогда, когда

сообщение, организованное говорящим в соответствии с поставленной им целью и "официальное" некоторым определенным способом, достигшее Адресата и воспринятое им при помощи соответствующего принимающего устройства, пройдет последнюю стадию, последний "кусочек" своего сложного пути, уже целиком локализованный в мозгу Адресата. Мы имеем в виду ПОНИМАНИЕ сообщения.

Процесс понимания можно представить себе как обратный, "зеркально-симметричный" по отношению к процессу порождения высказывания. При порождении Говорящий идет от непосредственно данной ему в созерцании реальной (но психологизированной, осознанной им) ситуации, которую он подвергает членению на тему и рему, к кодированию выделенных компонентов ситуации знаками языка, к соединению этих знаков по законам (правилам) этого языка, затем к "перекодированию" знаков посредством фигур выражения, фоном и к реализации их в форме звуков. Адресат, наоборот, получает цепочку звуков. Эти звуки он должен расчленить, сопоставить им звуковые знаки, "распознать" эти знаки и способы их соединения и наконец сопоставить этой комбинации знаков некоторое "ПРЕДСТАВЛЕНИЕ", отображающее, воссоздающее социально значимые контуры той ситуации, которую непосредственно созерцал Говорящий. Разумеется, это представление не может быть точной копией исходного представления, которое остается в сознании Говорящего. Как бы подробно ни рассказали нам, например, о внешнем облике какого-то незнакомого нам человека, и как бы ясно ни стоял этот образ перед глазами рассказчика, мы никогда не сможем "уловить" его именно таким, как он есть и каким его видит наш рассказчик. Но это и неважно с точки зрения тех реальных целей и задач, которые преследует человеческое общение. С помощью языка (речи) мы можем передавать только социально значимые признаки ситуаций.

Ясно, что этот последний этап речевого взаимодействия людей с необходимостью предполагает между ними языковую общность, то есть знание Адресатом того кода, который использован Говорящим при построении сообщения, а также знание, хотя бы относительное, тех реалий, которые соответствуют языковым знакам. В принципе возможны две диаметрально противоположные ситуации:

(а) - Адресат полностью владеет кодом, который использован Говорящим, - и тогда процесс понимания протекает автоматически;
(б) - Адресат не владеет этим кодом, - и тогда процесс понимания не имеет места: Говорящий напрасно затратил свое время и энергию, произошло лишь сотрясение воздуха.

Однако между этими двумя крайними точками заключается множество промежуточных возможностей, множество ситуаций, которые характеризуются НЕПОЛНЫМ соответствием языковых систем, которыми владеют Говорящий и Адресат. Строго говоря, ВСЕ реальные речевые ситуации характеризуются НЕПОЛНЫМ соответствием кодов, хотя эти различия могут быть настолько незначительными, что в процессе общения не осознаются. Так, в пределах одного языка выделяется множество различных подязыков, соответствующих социальным группировкам данного общества. Иногда эти различия оказываются явной помехой в общении (ср., например, описание различий между социальными диалектами русского языка начала XIX в. в работе В.В.Виноградова "Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв"). Но даже в гораздо более обычных условиях, вплоть до внутрисемейного, внутрипрофессионального общения, несоответствия кодов легко обнаружить, если об этом задуматься: вспомним ограничения в выборе слов, оборотов, конструкций, словоформ и т.д., которые мы всегда ощущаем, разговаривая с детьми, с людьми другого уровня образования, а также с представителями других поколений ("бабушки", отрывки относительно но молодежи и людей средних лет, даже родители относительно детей), другого пола, других профессий и т.д.

Еще более заметными становятся эти различия в ситуации общения носителей литературного языка с носителями территориальных диалектов. Известно, что эти различия могут быть и велики, и настолько значительны, что исключают возможность взаимного понимания, - ср. некоторые немецкие, китайские диалекты. Диалектное дробление русского языка никогда не достигало такой степени, однако различия между разными диалектами и наречиями вполне ощутимы, равно как и различия между любым диалектом и литературным языком. Это не может не налагать на общение между носителями этих систем серьезных ограничений. Ограничения эти становятся более сильными, если Говорящий и Адресат - носители

разных, но близко родственных языков, например, русского и украинского, татарского и азербайджанского, еще сильнее - если это русский и болгарский, русский и польский и т.д.

Очевидно, что в подобных случаях процесс взаимного понимания усложнится за счет того, что Адресат будет соотносить элементы услышанных им фраз с элементами родной для него языковой системы, стремясь отождествить какие-то специфические, в точности не известные ему формы с известными. При этом он - в заданных нами условиях - будет делать это, опираясь на внешние признаки форм, на звуковое сходство их с формами родного языка (мы ведь считаем, что Адресат НЕ ЗНАЕТ того языка, на котором говорит Говорящий).

Несколько иной оказывается ситуация, если разговор идет на родном языке Говорящего, но похожем на язык Адресата, но Адресат в какой-то (небольшой) степени знаком с этим языком. Если языки не родственны или родственны отдаленно (например, русский и английский), Адресат не может искать объяснения чужим формам в формах своего языка, соотносительных по звучанию. Однако это не значит, что родной язык не может оказывать ему помощи, что он не будет обращаться к нему. В процессе обучения (шире - освоения) второго языка у человека устанавливаются смысловые соответствия между формами этого языка и формами родного языка, и собственно-понимание осуществляется в основном в формах последнего. Людям вообще свойственно понимать менее знакомое через более знакомое, о чем ярко свидетельствует внутриязыковой перевод ("десница" - правая рука, "уста" - губы, рот, но не наоборот). Чтобы понять высказывание на чужом (слабо освоенном) языке, человек обычно переводит его на родной. Мы не будем сейчас касаться методических и теоретических проблем, возникающих по поводу роли перевода в процессе обучения (ср. "прямые" методики, стремящиеся исключить или минимизировать перевод в обучении). Нам важно фиксировать тот факт, что общение между носителями РАЗНЫХ языков в случае неполного владения этим языком одного из них обычно опосредуется переводом.

Когда мы говорим о непосредственном общении - отличие от опосредованного, то обычно понимаем под первым ЛИЧНОЕ общение людей, находящихся "непосредственно" рядом, под вторым -

общение людей, удаленных друг от друга, которое достигается применением каких-то технических средств, материальных предметов, бумаги и карандаша, телефонного аппарата, проигрывателя и пластинок и т.д.

Сейчас эти термины приобретают у нас несколько иной смысл. Люди могут находиться рядом и не пользоваться никакими техническими средствами, — но тем не менее их общение терлет непосредственный характер, так как в него включается незримое дополнительное звено. Это "язык-посредник", которым является родной язык одного из говорящих. Легко представить себе и более сложные ситуации этого рода. Например, грузин и латыш могут разговаривать по-русски. В этом случае русский язык выполняет свою функцию средства межнационального общения, то есть выступает как ПОСРЕДНИК между носителем двух других языков. В таком случае между высказыванием (на русском) и его пониманием (латышом и грузином) останется место для второго посредника — родного языка, эксплицитно не участвующего в общении.

Разумеется, при полном (относительно полном, хорошем) владении двумя языками (собственно билингвизм) понимание высказываний на обоих языках достигается непосредственно.

Особо следует остановиться на социальных функциях письменного перевода, на его роли в процессе общения. Письменный перевод — это очень сложная речевая деятельность, складывающаяся из множества разнообразных операций, которые различным образом сочетаются между собой, составляя множество различных видов деятельности, собирательно именуемых переводом.

Письменный перевод можно мыслить как процесс фиксации устного перевода на письме. Но это лишь одна из возможностей, на которой нет смысла останавливаться подробнее. Важнее обратить внимание на такие стороны письменного перевода, которые не имеют соответствия в устном. Работая с письменным текстом, переводчик гораздо менее ограничен временем. Он может привлечь на помощь себе мощный арсенал средств, наработанных обществом (и в частности, лингвистикой) и существующих безотносительно к данному акту перевода. Это во-первых, двуязычные "переводные словари", во-вторых, — лингвистические описания данного языка: грамматические справочники, толковые, синонимические, идеогра-

фические и другие одноязычные словари и мн.др. Значение этих средств в современном обществе трудно переоценить. Если разработка технических средств связи телеграфа, телефона, радио — помогает преодолевать физические ограничения, присущие "непосредственному" общению, то аппарат перевода позволяет преодолевать ограничения социальные. Он обеспечивает возможность межнационального общения, общения на уровне наций, народов, а не только отдельных индивидов.

Природа перевода как лингвистической деятельности, виды перевода и отношения между ними, отношение перевода к другим родам и видам речевой деятельности — эти проблемы приобретают в наш век информационного взрыва особую актуальность и заслуживают специального рассмотрения. Но даже беглый разбор этой проблематики, включающей, конечно, и проблему автоматического и машинного перевода, уведет нас слишком далеко от темы. Поэтому пока мы ограничимся общим указанием на его роль в преодолении особого рода "разрывов" — информационных барьеров, являющихся следствием множественности языков, языковых систем, а также и вообще знаковых систем, используемых для общения.

IV. ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ И УСТНОЕ СООБЩЕНИЕ

I. Термины "сообщение", "высказывание", "текст".

Проблема "продукта" речевой деятельности - видов этих продуктов, отношений между ними, их связи с другими аспектами языка, их роли в лингвистическом исследовании, - как мы видели, была намечена Л.В.Щербой. Но сближение им понятий "языковой материал" и "речевая деятельность" затемнило постановку этих проблем. Последующие работы, в частности, упомянутая работа Андреева и Зиндера, способствовали некоторому уточнению этих вопросов. Но в целом А.А.Леонтьев совершенно прав, считая главными недостатками всех работ о языке и речи упрощенное понимание "первоэлемента исследования" - речевого материала, т.е. текста или совокупности текстов.

Необходимость фиксации этого объекта в отдельном научном понятии или системе понятий и терминов сейчас же вызывает сомнения. Но пока эти понятия не сложились, мы, говоря об этих объектах, продолжаем пользоваться словами, идущими из естественного языка ("сообщение", "высказывание", "текст" и др.), смыслы которых остаются нечеткими.

В "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой (СЛТ) эти понятия определяются так: СООБЩЕНИЕ - "коммуникативная сторона высказывания, содержащаяся в нем информация" (стр. 441); ВЫСКАЗЫВАНИЕ - "единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушателями в данных условиях языкового общения" (стр. 94); ТЕКСТ - "I. То же, что произведение речи. II. Произведение речи, зафиксированное на письме (стр. 470); ПРОИЗВЕДЕНИЕ РЕЧИ - "(текст) реально высказанное (написанное и т.п.) предложение или совокупность предложений, ...могущее служить материалом для наблюдения фактов данного языка" (стр. 365).

Очевидно, что эти определения слабо связаны друг с другом и не создают целостной понятийной микро-системы. Поэтому нам нужно условиться, как мы будем пользоваться ими в дальней-

шем рассуждении.

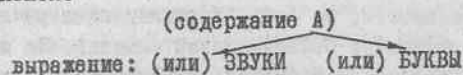
Термином "сообщение" будем называть некоторое знаковое содержание ("мысль"), выраженное тем или иным чувственно воспринимаемым способом и посланное адресату по какому-то каналу связи. Высказывание - это то же сообщение, только рассмотренное вне его отношения к адресату. Мы уже говорили, что речь всегда адресована, но в исследовании мы можем абстрагироваться от этого, что и делают лингвисты, изучая высказывания для получения знаний о языковой системе.

Понятно, что всякое сообщение (высказывание) является продуктом речевой деятельности, то есть "произведением речи", "текстом" в первом из указанных О.С.Ахмановой смыслов. Но мы уже знаем, что способы передачи сообщений, то есть виды речевой деятельности, очень разнообразны. В какой мере это безразлично или не безразлично для самого сообщения как продукта этой деятельности? От каких различий этого рода лингвист может свободно отвлечься в своей работе, и какие из них могут оказаться с этой точки зрения существенными?

О том, что среди этих различий есть и такие, которые почему-то очень важны для лингвистики, свидетельствует тот очевидный факт, что не всем протяжении своей истории лингвистика исследовала имеющиеся письменные, а не устные и не какие-то иные высказывания. Известно, что, предпринимая исследование бесписьменного языка, лингвист сначала создает себе объект, с которым он будет дальше работать, ЗАПИСЫВАЯ устную речь носителей этого языка или диалекта. Если он не считает возможным работать непосредственно со звучащей речью, значит, различие это для него очень существенно. Но почему?

Хотя одно и то же сообщение способно "переволочаться" множеством разных способов, осуществляться в десятках разных форм, важнейшими из них остаются, конечно, устная и письменная формы. Слово "текст" в естественном языке устойчиво связано именно с этой последней, письменной формой существования сообщения. О.С.Ахманова, отражая в словаре реальное словоупотребление некоторых лингвистов, расширяет общепринятый смысл этого слова. За таким расширением мне видится недооценка различий между этими формами.

Овладевая искусством письма в детстве, мы пользуемся письменной речью почти так же автоматически, как и устной, прибегая к ней в тех случаях жизни, когда устное общение невозможно. Между этими формами для нас существуют отношения выбора, дизъюнкции, "или - или". То содержание, которое в одних условиях можно выразить звуками, в других случаях можно выразить буквами. Иначе говоря, мы привыкли представлять себе эти отношения как противопоставление (оппозицию) способов выражения некоторого неизменного содержания. Это можно представить следующей простой схемой:

Соответственно этому, отношения между письменной и устной формами осуществления сообщений предстают как отношения двух видов одного рода:

Однако, если бы отношения между письменными и устными сообщениями действительно были отношениями двух видов одного рода, разве мы могли бы получать знания о строении звуковых сообщений, о системе звукового языка, то есть об одном из видов, изучая объекты, принадлежащие другому виду? Между тем лингвисты всегда использовали и используют тексты для получения знаний не только, и даже не столько о знаковой системе, используемой для письма, сколько о той "базовой" системе, которая используется для создания сообщений вообще и устных сообщений в частности. Одно это заставляет предполагать, что отношения между этими формами имеют какой-то другой характер.

Вещи, как известно, познаются сравнением. Поэтому, чтобы яснее представить себе специфику этих объектов и понять отношения между ними, попробуем сопоставить их с третьим объектом - граммофонной пластинкой.

2. Граммопластинка и текст (сходства и различия)

Грамммофонная пластинка, как и запись, сделанная графическими знаками на бумаге или другом материале, представляет собой "консервацию" устной, звучащей речи. Но эту функцию они выполняют далеко не одинаковым способом.

В устной речи звуки следуют один за другим, и притом непрерывно. Линейность - это общее свойство речи, но оно реализуется по-разному в устной речи и в тексте. Когда мы произносим первый звук, второй и третий еще не существуют, а когда произносим третий, уже не суще твуют первый и второй. Когда мы воспроизводим граммофонную запись, воспроизводится и это свойство звучащей речи. Запись можно воспроизводить сколько угодно раз, и каждый раз звуки будут следовать, "литься" один за другим, и никогда мы не сможем услышать их "вместе", одновременно.

Но пластинка существует и независимо к воспроизведению. Это материальный предмет, созданный человеком. Когда мы смотрим на пластинку, мы видим бороздку, закрученную в спираль, и знаем, что каждый виток, каждый отрезок этой спирали несет в себе какие-то звуки. Конечно, он "несет" их только как возможность: ЕСЛИ мы включим патефон и проиграем пластинку, если патефонная игла попадет в движущуюся ей навстречу бороздку и передаст все изгибы, повороты "пути" в механизм воспроизведения, тогда мы услышим звуки, акустически подобные тем, которые когда-то оставили на пластинке свой след в виде бороздки.

Пока пластинка не включена в этот процесс, мы можем созерцать этот след, но не понимаем значения его изгибов и поворотов, не можем сопоставить им тех или иных звуков. По существу, мы созерцаем в этом случае письмена, читать которые нам не дано, - это дано лишь патефонной игле.

Письменный текст - это тоже материальный предмет, созданный человеком, который оставил на нем след в виде графических знаков. Как и пластинка, текст рассчитан на воспроизведение, т.е. на прочтение. Опираясь на графические значки, вытянутые в длинную цепь, мы можем озвучить его, если нам известен принцип соответствия между значками и звуками, если мы знаем использованный алфавит. Но текст остается текстом и тогда, когда никто его не читает. В нем, как таковом, все буквы и их сочетания существуют одновременно.

Но, конечно, между пластинкой и текстом есть и очень существенные различия. В обыденном сознании пластинка вообще не ощущается как разновидность текста, но только как объект, в некоторых отношениях сопоставимый с текстом (ср. "говорящие письма", а также запись на магнитофоне не музыки и пения, а разговоров и монологов; ср. также диктофон, специально сконструированный для записи устной речи и заменяющий стенографисток). Первое, сразу бросающееся в глаза отличие грамофонной, магнитофонной и других видов механической консервации сообщений от текстов состоит в том, что записывающим и считывающим устройством здесь является именно механизм, а не человек. Однако понятно, что все эти механизмы построены человеком и работают на человека, а не "на себя". Они выступают здесь в роли посредника между людьми - диктором и аудитором. При чтении обычных графических текстов мы обходимся без посредника. Какие же функции мы передоверяем посреднику, а какие оставляем себе?

Очевидно, механизм выполняет за нас задачу, состоящую в том, чтобы, во-первых, поставить в однозначное соответствие последовательности звуков последовательности другого рода, - в нашем случае последовательности вмятин на материале пластинки; во-вторых, выполнить обратную операцию, то есть сопоставить этой последовательности последовательность звуков. Ясно, что механизм никаким образом не причастен к тому, что эти звуки несут в себе какие-то смыслы. Понимание звучащей речи - это функция человека, так же как произнесение осмысленных последовательностей звуков.

Функцию посредника, отчасти подобную той, которая передается механизму, может выполнять и человек, - пусть это будет дру-

гой человек или два человека. Мы можем продиктовать сообщение кому-то и потребовать, чтобы оно было вслух прочтено адресату (ср. переписку "через посредника" если оба корреспондента неграмотны). Сравнивая поведение человека-посредника и посредника-механизма, продукт первой и продукт второй деятельности, мы можем глубже понять природу этих объектов и их различий. Главное различие между ними состоит, конечно, не в том, КТО или ЧТО выполняет ту или иную операцию, а в том, КАК выполняется эта операция, что она представляет собой. Механизм "фотографирует" звуки, ставит им в соответствие их собственный механический образ. Человек сопоставляет звучащему сообщению его ЗНАКОВЫЙ образ. Он использует СИМВОЛЫ, содержащей стороной которых являются обобщенные представления об основных типах звуков данного языка.

Мы уже говорили, что звуки, являющиеся объектом отображения в обоих рассматриваемых случаях, суть фигуры выражения естественных языков. В отличие от знаков, они не имеют собственного означаемого. Сейчас надо уточнить это утверждение, точнее, тот смысл, который вкладывается в слово "звук". Звук в собственном смысле - это, конечно, колебание воздуха (в определенном диапазоне волн, воспринимаемом ухом). Звук речи - это звук, порождаемый говорящим с определенной целью, - чтобы передать какое-то сообщение. С этой целью используются в каждом языке лишь какие-то определенные звуки, - множества звуков, подразделенных на классы, ТИПЫ, противопоставленные друг другу. Таким образом, в речи РЕАЛИЗУЮТСЯ ТИПЫ звуков, а сами ЭТИ ТИПЫ (общее, "сущность" по отношению к явлению) ПРИНАДЛЕЖАТ ЯЗЫКУ, А НЕ РЕЧИ.

Буквы - это не фигуры, а знаки. Они, как и всякие знаки, имеют две стороны, обозначающую определенные сочетания штрихов) и обозначаемую (определенный тип звуков речи - то есть определенный звук языка). Как и всякие знаки, буквы способны обозначать открытое множество реальных объектов - звуков речи, не тождественных друг другу. Например, звуки, произносимые мужчинами, акустически отличны от звуков женского голоса, но эти различия лингвистически не существенны и при конструировании ТИПОВ звуков не учитываются. Соответственно, они не отражаются и в различных букв.

Бороzdка граммофонной пластинки фиксирует звуки речи "как они есть", именно звуки речи, а не языка, их физическую реальность. В этом смысле я и употребила в образном смысле глагол "фотографирует". Поэтому, естественно, бороzdка воспроизводит и такое свойство звукового потока, как недискретность, "континуумность". Буквенная запись, наоборот, членит звуковой поток на функционально значимые отрезки, соотносимые с звуко-типами. Этим она принципиально отличается не только от граммзаписи, но, — и это несравненно важнее, — также и от объекта отображения, где эти отрезки остаются объективно не вычлененными.

Это обстоятельство имеет очень большое значение для понимания культурной эволюции человечества, развития цивилизации. Оно исключительно важно и для лингвистики, потому что оно проливает свет на природу этой науки и ее объекта, помогает понять отношения между звуковой и письменной речью и ответить на вопрос, поставленный нами выше: почему же лингвист, исследуя текст, относит полученные знания к звуковому языку? Почему текст, а не звучащая речь, является главным объектом наблюдения для лингвистов?

Но прежде чем переходить к обсуждению этих вопросов, закончим нашу аналогию-противопоставление между пластинкой и текстом и зафиксируем основные выводы.

1. И пластинка, и письменный текст являются овеществленными в материале образами звуковых последовательностей. Они существуют как материальные предметы, на которых тем или иным способом оставлен "след", на основании которого прообраз может быть восстановлен в его исходной, звуковой форме.
2. Главное различие между этими объектами состоит не в том, КТО или ЧТО (т.е. человек или автомат) устанавливает соответствие между образом и прообразом, а в том, какова природа отображения, какая сторона, какие свойства отображаемого объекта используются в процессе отображения и какова структура образа.
3. При граммофонной записи объектом отображения является акустический аспект. Процесс граммзаписи не предполагает анализа звукового потока, подлежащего фиксации, расчленения его на элементы. Образ воспроизводит в этом случае сплошной, не

дискретный характер прослушанного. Этим способом могут быть фиксированы любые звуковые последовательности, — не только речь, но и музыка, крики животных, пение птиц, шум дождя и т.д.

Буквенная запись отображает ком. уникативный аспект звукового потока, подлежащего фиксации. Объектом отображения являются здесь не физические звуки, а звуко-типы. Буквенная запись предполагает анализ звукового потока под этим углом зрения, выделение в нем функционально значимых отрезков, которые фиксируются буквенными символами. Естественно, что этим способом могут быть отображены только такие звуковые последовательности, которые выполняют коммуникативную функцию и допускают членение на функционально значимые отрезки, то есть человеческая речь.

4. Граммзапись фиксирует реальные звуки со всеми их индивидуальными признаками. Поэтому физическое звучание оригинала воспроизводится ею несравненно точнее, чем буквенной записью. Буквенная запись не позволяет восстановить реальное звучание сообщения, все индивидуальные особенности произношения в ней нивелируются, а удерживаются только социально (коммуникативно) значимые признаки.

5. Граммзапись предполагает только один способ воспроизведения (использования) — озвучивание. Звуки, скрытые в изгибах бороzdки, при воспроизведении возвращаются в свою натуральную форму, человек слышит звучащую речь и понимает ее.

Письменный текст допускает несколько способов реализации, существенно разных. Важнейшие из них — чтение вслух и чтение про себя. Чтение вслух в известной мере сопоставимо с проигрыванием пластинки. В принципе возможно даже чтение "для другого", когда чтец может не понимать смысла читаемого. Чтение про себя — это совершенно особая деятельность, не имеющая аналогии в оперировании с пластинкой.

6. Граммзапись "копирует", отображает всегда только реальный, существующий, физически звучащий объект. Он необходимо должен существовать как звук, чтобы отобразиться в записи. Письменный текст способен воспроизводить физически не прозвучавшее сообщение. Графические символы могут сопоставляться и обычно сопоставляются не самим отрезкам звучания (функционально значимым), а их психическим образам, не воплотившимся в звуки, — ор. собственно-

писание как "творческую" языковую деятельность в отличие и в противопоставление писанию под диктовку.

7. Все это свидетельствует о том, что граммофонная запись (как и магнитная) не является знаковым образом объекта, хотя сам объект записи и может иметь знаковую природу. В случае, когда записываются высказывания, речь (а не шум дождя и т.п.), знаковому объекту соответствует не знаковый образ.

Письмо — это отображение знаковых объектов в знаковой форме, с помощью знаков другой семиотической системы.

Но если это так, то тем более нас должен интересовать вопрос, почему же лингвист предпочитает работать с графическими отображениями звуковых сообщений, а не с самими отображаемыми объектами? Какие преимущества имеет с этой точки зрения вторая знаковая система перед первой?

7. Письмо в его отношении к звучащей речи

Сначала мы коротко остановимся на операциях, связанных с восприятием письменного текста. Эти процессы называются обратными именем "чтение". Мы уже говорили о нескольких разных смыслах этого слова, — чтение с пониманием и чтение без понимания, чтение вслух и чтение про себя. Сейчас нам придется еще немного задержаться на этом и выделить "озвучивание" текста как особый вид оперирования с графическими знаками, не совпадающий ни с чтением вслух, ни с чтением про себя и не имеющий аналогии среди операций со звуковой речью.

Лингвистам и историкам приходится сталкиваться с текстами, написанными неизвестными им знаками. В такой ситуации различие между собственно-чтением и "чтением-озвучиванием" выступает особенно рельефно. Первой задачей в этом случае является "увидеть" сквозь текст те языковые знаки, которые в нем скрыты. Решить эту задачу значит транслитерировать текст, переписать его в известной нам системе графических знаков, то есть сделать его таким, чтобы его можно было прочесть вслух. Конечно, такая транслитерация не может претендовать на адекватность реальному,

произношению на данном языке, это оно уже из самой природы письма, о котором мы говорили выше. графические символы не фиксируют реальных звуков. В действительности обычно не возникает никакой нужды читать этот текст вслух, а если такая потребность почему-то возникнет, то можно вполне удовлетвориться огрубленным, искусственным произношением.

Конечно, всякий ученый прекрасно знает, что транслитерация — это лишь грубое приближение к реальному звучанию оригинала. Но построение этого приближенного представления составляет важнейшую лингвистическую задачу, не решив которой мы не сможем продвинуться ни на шаг дальше.

Только после того, как этот шаг сделан, оказывается возможным переходить ко второй задаче, то есть к проникновению в знаковую структуру текста и в его содержание. При этом может оказаться, что, озвучив (т.е. транслитерировав) текст, мы увидим, что он написан на известном нам языке. Такие случаи не раз бывали в истории лингвистических дешифровок (ср. историю дешифровки письменностей Средиземноморья). Но столь же возможна и другая ситуация: после транслитерации текст может остаться таким же непонятным, как и был, если система знаков, использованная при его построении, т.е. его язык, нам не знаком.

Таким образом, мы оказываемся в кругу: чтобы понять текст, мы должны предварительно знать язык, — но чтобы изучать язык, мы должны изучать, анализировать тексты.

Нам сейчас важно не то, как этот круг разрывается на практике, — это большой и сложный вопрос, который не имеет однозначного ответа. Обсуждение этого вопроса увело бы нас в сторону от той проблемы, которая нами поставлена: почему мы используем тексты для получения знаний о языке, какие преимущества в этом смысле имеет текст перед звучащей речью.

Письмо — это знаковая система, отличная от звукового языка. Это другая знаковая система. Ее нельзя назвать САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ, НЕЗАВИСИМОЙ по отношению к звуковому языку, но она связана с ним отношениями особого рода, существенно иными,

чем другие, искусственные, "вторичные" знаковые системы, возникшие на базе естественных языков по принципу договоренности. Письмо — это ЕСТЕСТВЕННАЯ знаковая система, не созданная в соответствии с заранее намеченной целью, а возникшая стихийно, как и сам звуковой язык.

Это нисколько не значит, что определенные системы письма не создавались намеренно. Мы знаем, что в наши дни на основе русского алфавита было создано несколько письменностей для народов и языков, до революции остававшихся бесписьменными. В свое время, в XVI в., Стефан Пермский на базе кириллицы создал письменность для пермяков (народ, говоривший на языке финно-угорской группы). Славянская письменность была создана Кириллом. Но все это становится возможным только тогда, когда у какого-то народа письменность данного типа, — сейчас мы имеем в виду буквенное письмо, — уже существует.

Значение письма в культурной истории человечества невозможно переоценить. Его можно сравнить в этом смысле только с самим звуковым языком. Благодаря языку, в его формах становится возможным познание человеком мира, а следовательно и формирование человеческого общества, противопоставляющего себя природе, подчиняющего ее себе. Благодаря языку становится возможным передача знаний от человека к человеку, а следовательно и концентрация знаний, их накопление от поколения к поколению, их прирост.

Индивидуальная жизнь коротка, и если бы люди не могли передавать накопленного ими опыта следующим поколениям, развитие цивилизации было бы невозможно, — каждое поколение начинало бы "все с начала". Но если знания растут, то раньше или позже человечество обязательно сталкивается с проблемой емкости памяти.

Известно, что человеческая память может быть усилена при помощи мнемоники или мнмотехники, — так называется совокупность приемов, имеющих целью облегчить запоминание возможно большего числа сведений. Мнемоника основывается как на принципе ассоциации идей, так и на использовании некоторых свойств структуры выражения, в частности ритмической организации тек-

ста, подлежащего запоминанию. История человеческих обществ покажет, что этот путь преодоления трудностей, связанных с перегрузкой социальной памяти, широко использовался всеми народами. Так, например, у народов, не имеющих письменности, огромную культурную роль играет народный эпос, хранящий в себе накопленный народом исторический опыт и существующий в форме ритмически организованного относительно устойчивого "текста"; передаваемого от поколения к поколению.

Однако емкость "усиленной" памяти тоже не бесконечна. Даже хорошо тренированная память отказывается, когда информации, подлежащей трансляции, оказывается слишком много. Дальнейшее развитие культуры требует от общества все больших и больших знаний, а передавать информационные накопления новым поколениям оказывается невозможным из-за перегрузки каналов памяти.

Выходом из этого противоречия, как показывает ход исторического развития человечества, и является создание письменности. Социальное значение письма состоит, таким образом, в том, что тексты становятся "внешней памятью" общества. Письмо освобождает интеллектуальную энергию общества, поглощаемую хранением и передачей знаний, для достижения новых знаний.

Но назначение текстов для лингвистики определяется вовсе не той информацией, которая вложена в них их составителями. Она определяется той информацией, которая содержится в них безотносительно к целям и намерениям авторов, — это информация о языке, на котором они написаны, — а также тем, что эта информация содержится в текстах в особой, "препарированной" форме.

Письмо — это особая, самобытная знаковая система. Всякая знаковая система определяется не только — и даже не столько — тем, что представляет собой ее знаки в плане выражения, то есть не столько структурой выражения, сколько структурой содержания. Между тем, о структуре содержания этой "второй" системы, которой мы пользуемся в течение тысячелетий, с которой мы постоянно работаем как лингвисты, мы задумываемся слишком мало.

Письмо как знаковая система имеет свое обозначение. В нашей системе обозначением являются буквы и другие графические знаки, в других системах — иероглифы, слоговые обозначения и др. Оно имеет также и свое обозначение — одну из сторон действи-

тельности, которая описывается и выражается с помощью знаков этой системы. Значение письма в лингвистическом исследовании определяется тем, что этой стороной действительности является естественный звуковой ЯЗЫК. С помощью письма мы не только выражаем языковые объекты (звуки, слова, предложения), но также и познаем эти объекты и отношения между ними. В знаках "второй" системы закрепляются успехи, достигнутые человечеством в познании языка, фиксируются этапы этой познавательной деятельности. Конечно, это не научное, а преднаучное познание, имеющее совершенно другую природу, но накопление таких преднаучных знаний является необходимой предпосылкой лингвистики как науки, и совершенно естественно и закономерно, что лингвистика рождается и развивается как наука, работающая именно с текстами.

Звуковой язык, будучи средством общения (в этом его прямая, первичная социальная функция), является также средством первичного познания действительности. Знаки языка — в частности, слова, — не называют те или иные смыслы, но формируют их. Безотносительно к знакам не может быть и знаковых содержаний, то есть тех общих представлений или "понятий", в которых мы мыслим и говорим (или говорим и мыслим) О МИРЕ.

Точно также и письмо, будучи средством "консервации" звуковых сообщений, средством опосредования общения, но необходимости является средством первичного познания того объекта, который оно призвано отображать, — звуковых сообщений и использованного в них языка.

4. "Вторая семиотическая система", ее содержательная сторона и ее история.

Мы привыкли к упрощенному представлению о содержательной стороне нашего буквенного письма. Этому взгляду способствует (не оправдывая его) простота системы выражения в нашем письме. Несколько десятков букв, обозначающих все звуки нашей речи, — дети даже до школы легко постигают эту систему. Но, пожалуй, стоит напомнить, что системой звукового языка дети овладевают еще раньше, хотя никто не делает из этого вывода о простоте языка.

Создание буквенной письменности в истории человечества было актом огромной важности, это было скачком в истории культуры всего человечества. Но лингвист должен понимать не только социальные последствия этого акта, но и его внутреннее содержание, то есть ту громадную латентную работу познания, направленную на звуковой язык, итогом которой явилось создание буквенных символов. Этот акт предполагает, во-первых, глубокий и тонкий, многоступенчатый анализ звукового потока, расчленение его на отрезки, которые, пользуясь современной лингвистической терминологией, можно назвать репрезентативными фонем. Во-вторых, он предполагает огромную сопоставительную работу, выявление функциональных отношений между такими отрезками звучаний, установление функциональных тождеств и различий. В-третьих, он требует также синтезирующей работы мысли, то есть создания обобщенных представлений о типах звуков, выполняющих в речи различительную функцию.

Звуковой язык, который мы знаем как СРЕДСТВО познания действительности, в отношении к письму предстает как ОБЪЕКТ познания, как явление действительности, требующее познания. Графические знаки фиксируют успехи, достигнутые человечеством на этом пути, длящемся тысячелетия. Тому уровню анализа, который зафиксирован в буквенных символах, предшествовали другие уровни, закрепленные в других системах письма. Если мы посмотрим с этой точки зрения на исторический путь, пройденный человечеством, то увидим, что он представляет собой целый ряд ступенек, каждая из которых фиксирует новый, более глубокий уровень анализа познаваемого объекта.

Время и место не позволяют нам останавливаться подробно на всех этапах этого интереснейшего процесса. Поэтому не будем касаться его самых ранних шагов — пиктографической письменности, отношения которой к звуковой речи составляют особую, сложную семиотическую проблему, и начнем с этапа идеографии.

Идеографическая письменность (иероглифика) непосредственно вырастает из пиктографии, "рисуночного письма". Слово "идеограмма", "идеография" представляет нам план содержания знаков этой системы как "понятие", (греч. — понятие, пишу). Такая "этимологическая" трактовка этого термина живет и

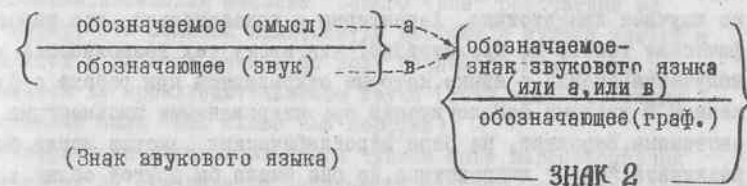
сейчас, — ср. толкование этого слова в "Словаре иностранных слов" (М., 1944): "Идеография — письмо при помощи идеограмм, а не буква; способ обозначать одним письменным знаком целые понятия; таково китайское письмо, египетские иероглифы, математические цифры и знаки и т.д.; цифра 2 обозначает не три звука Д-В-А, а понятие определенного числа". Но лингвисты сейчас представляют себе дело иначе. Содержанием идеограмм являются НЕ ПОНЯТИЯ, А СЛОВА данного языка. "Понятий" как смыслов, значений не существует вне выражающих их знаков, а такими знаками являются слова или морфемы. Иероглифический текст — это именно текст, он подлежит "озвучиванию", прочтению, и иероглиф читается словом.

Слово, как мы знаем, двусторонняя языковая сущность, знак, означающая и означаемая сторона которого связаны неразрывно. Поэтому в принципе возможны два пути графического отображения языковых знаков — "семантический", ориентированный на содержание, и фонологический, ориентированный на выражение. Идеография — это графическая система семантического типа, пытающаяся своими средствами воспроизвести содержательную сторону слов. Об этом ярко свидетельствуют древнейшие китайские иероглифы, еще сгруппированные схематизированными, упрощенными и обобщенными рисунками, изображениями предметов и явлений, обозначаемых словами.

То обстоятельство, что "семантические" системы письма исторически предшествуют "фонологическим", представляется закономерным. Они, при всей сложности и громоздкости их собственной выражающей стороны, в определенном отношении много ПРОЩЕ наших современных, очень "простых" и экономных буквенных систем. Дело в том, что знаковые содержания, соответствующие этим знакам, уже выделены безотносительно к их графическим обозначениям; они выделены первичными знаками, звучащими, а не записанными словами. Иероглифика не предполагает специального анализа языка как знаковой системы, она просто соотносит с данным, известным языковым содержанием ВТОРОЕ знаковое выражение, — подобно тому, как это показано на схеме.

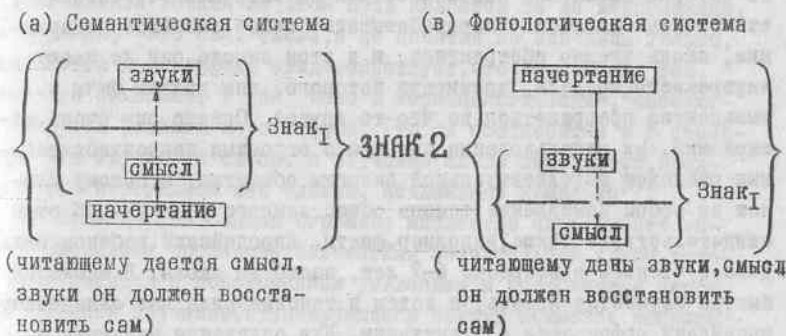
Если двусторонний знак становится обозначаемым другого знака, то соотношение между ними можно представить так:

Схема 1

Разделив случаи (а) и (в), это можно представить так:

Схема 2

Семантическая система письма может рассматриваться как дополняющая звуковой язык. В какой-то мере она тоже способствует осознанию его формы, в частности, осознанию относительной отдельности слова. Но она не требует проникновения в структуру выражения языка, то есть в тот объект, который прежде всего изучает лингвистика. Характерно и показательно, что иероглифические тексты не представляют лингвисту тех возможностей для получения знаний о языке, которые открываются при работе с буквенным и другими фонологически ориентированными письменными системами. Вероятно, на базе иероглифических текстов могла бы развиться "своя" лингвистика, но она имела бы другой облик, другую структуру, чем наша, европейская наука о языке.

Семантический путь развития письма в истории человечества является, видимо, тупиковым. Иероглифические системы способны к длительному развитию и совершенствованию. Как показывает история китайской письменности и ее современное состояние, эти системы способны "перерабатывать" любое знаковое содержание, сколь угодно абстрактное, и в этом смысле они не имеют внутреннего предела, достигнув которого, они должны быти с имманентно превращаться во что-то другое. Однако они очень неэкономны. Их использование связано с огромным непроизводительным расходом интеллектуальной энергии общества, а потому влечет за собой замедление темпов общественного развития. Об этом свидетельствуют такие, например, факты. Европейский ребенок овладевает чтением в возрасте 6-7 лет, часто до школы. В школе он быстро научается писать, а затем в течение ряда лет овладевает правилами орфографии и пунктуации. Для овладения знаниями в различных предметных областях ему нужно читать, а это он может делать уже со 2-го класса. Китайский школьник на овладение иероглифической тратит 6-7 лет школьного обучения, и к изучению "предметных" текстов он приступает в 6-7 классе, в возрасте 13-14 лет. Следовательно, он проигрывает, по сравнению с европейцами, 6-7 лет жизни. Умножив этот срок на число учащихся (грамотных), мы получим "национальный проигрыш", рядом с которым должны будем поставить и другую цифру — число или процент людей, не постигших грамоты и потому устраненных от активного участия в развитии национальной культуры. Другой пример: пишущая машинка

европейского образца, — предмет первой необходимости в цивилизованном обществе — имеет 45-50 клавишей, охватывающих все буквы, цифры, знаки препинания. Научиться работать на ней может каждый школьник. Китайская машинка "общего типа" рассчитана на 3.000 литер, — то большой ящик, откуда достаются нужные литеры и вставляются в рабочие ячейки по ходу печатания. Ясно, как это сказывается на производительности труда (хотя, конечно, каждый напечатанный знак — это слово или морфема).

Исторически выходом из этого тупика была переориентация письменности на отображение выражающей стороны, то есть ее "фонологизация". Этот поворот и означает, что объектом отображения становится "языковая материя", точнее, структура выражения, языковой знак, а письмо становится средством первичного познания этого объекта.

Начальной точкой на этом пути является та же иероглифика. Если иероглиф — это знак слова, а не понятия, не значения только, — а китайская иероглифика свидетельствует, что это именно так, потому что синонимы, в том числе и терминологические, "абсолютные", пишутся разными иероглифами, — то он соотносится и с семантикой, и с звучанием слова. То звучание слова передается, представляется иероглифом как единый, нечленимый комплекс¹⁾.

В большинстве языков огромное множество слов бывает выражено звуковыми последовательностями значительной длины, которые произносятся с попеременным усилением и ослаблением напряжения. Отрезки звучания, группирующиеся вокруг наименее напряженного звука (гласного), мы называем слогами. В составе разных обочек повторяются в разных комбинациях одни и те же слоги: рн-бак и та-бак, ку-да и ку-ма и т.п. Очевидно, что количество разных слогов значительно меньше количества слов, и письмо, знаки которого отображают слоги, должно быть экономнее иероглифического письма. Поэтому у естественно, что слоговое письмо исторически приходит на смену иероглифическому. Но нельзя забывать, что появ-

1) По отношению к современной китайской иероглифике так говорить уже не верно. Сейчас многие слова пишутся через несколько иероглифов, отображающих бывшие самостоятельные слова, превратившиеся в морфемы. Это связано с изменениями в самом языке, за которым стоит длительная письменная история.

ленья слоговой письменности своей внутренней стороной имеет выявление, выделение такой языковой сущности, как слог, то есть расчленение ЗНАЧАЩЕЙ единицы на НЕ ЗНАЧАЩИЕ части. Эта "простая" операция требует очень высокого уровня абстракции и умения оперировать с семиотическими объектами. Важную роль в этом процессе, безусловно, сыграли иероглифы. Именно они часто использовались в качестве символов, наполнявшихся новым содержанием. Можно сказать, что фонологические письменности возникали "на обломках" иероглифики. Новые народы, приходившие на смену тем, которые создали иероглифику и пользовались ею в ее собственном качестве, сумели переработать ее на основании новых принципов, использовать знаки слов и морфем для формирования и выражения существенно иных знаковых содержаний, слогов.

Дальнейшее развитие фонологического письма состояло о все более детальном анализе, в членении звуковых последовательностей на все более мелкие части и в выражении этих частей отдельными графическими знаками. Эта работа по выявлению и фиксации звукотипов, о которой мы говорили выше, конечно, не могла бы быть выполнена, если бы раньше человечество не постигло принципа деления слова на слоги, не научилось различать в структуре слога гласные и согласные звуки, не имело бы слоговой письменности, позволяющей фиксировать, а значит и сравнивать между собой звучания слогов, — "ба" и "бо", "мо" и "му", "ба" и "ма" и т. д.

Фонемный уровень, т. е. буквенное письмо, является по-видимому, конечным шагом на этом пути. Фонема — это мельчайшая единица структуры выражения, не представимая как последовательность более мелких лингвистически значимых (хотя и не "обозначающих") единиц. Однако это не значит, что фонемное письмо есть последний шаг на пути развития этих семиотических систем.

Буквенное письмо существует и используется человечеством уже несколько тысяч лет. Некоторые буквенные системы, в том числе и русская, обслуживают один и тот же развивающийся язык в течение тысячи лет. Этот срок для естественных семиотических систем не очень велик, однако он совершенно достаточен, чтобы заметить, что принципы буквенного письма не остаются неизменными.

Буквенные алфавиты создаются как фонематические, — разумеется, совершенно безотносительно к научной теории фонемы, кото-

рая начинает разрабатываться только в XX веке. Они фиксируют не абстракции, не сочетания дифференциальных признаков, а совершенно реальные звуки, только подвергшиеся обобщению и типизации. Поэтому естественно, что применительно к этим системам письма проблема сфографии не может стоять: слова пишутся так, как они произносятся. Но с течением времени произношение слов меняется, отдельные звуки или сочетания звуков начинают произноситься по-иному, и в частности, так, как произносились и произносятся звуки, обозначающиеся другими словами: "д" в конце слова начинает произноситься как "т" (пруд и прут), "о" как "а" (сома и сама) и т. д. Написания же слов обнаруживают в этом отношении независимость, — они тоже имеют форму, — ср. историю почерков, — но сохраняют стабильность буквенного состава. В этой консервативности письма есть глубокий внутренний социальный смысл: письмо выполняет в обществе особые функции, которые и определяют внутреннюю логику его развития, отличную от логики развития звуковых языков.

Таким образом, с течением времени буквенное письмо неизбежно теряет свой "чистый" фонематический характер и становится "каким-то другим". Ярким свидетельством этому является появление сфографии, то есть специальных правил, регламентирующих употребление букв при написании слов и морфем. Письменность приобретает морфонологический характер.

Не остается неизменным и состав символов, внутренняя организация системы знаков, используемых для письма. Я не имею в виду выпадение, "исключение" из алфавита отдельных, ставших ненужными букв (русск. "ять", "фита", "ижица" и др.) или пополнение алфавита новыми буквами (например, для фонем, входящих в язык в составе заимствований, большим потоком идущих из какого-то языка). Эти изменения носят скорее количественный, чем качественный характер. Более интринсивным и значительным мне представляется другой процесс, о котором мы, лингвисты, знаем удивительно мало. Я имею в виду формирование в нашей графике особой знаковой подсистемы, знаков препинания. Знаки препинания — это символы совершенно другого уровня, нежели буквы. Как и буквы, это, конечно, ЗНАКИ, а не фигуры. Однако каково семиотическое содержание этих знаков, которые мы ставим автоматически, мы, в сущности, не знаем.

Точка — это, допустим, знак, фиксирующий границу предложения. Но что такое запятая? Что она значит? Каково ее собственное значение? Одно ли у нее значение или несколько? Многозначный ли это знак, или мы имеем здесь дело с серией знаков-омонимов? Что такое кавычки? Давно ли появились в наших письменных текстах тире и дефис, запятая-тире, двоеточие и другие знаки? Как они связаны между собой, что за систему они образуют? Все эти вопросы, требующие исследования и теоретического осмысления.

Таким образом, отношения между звуковым языком и письмом — это отношения между двумя семиотическими системами, основанные НЕ НА ТОМ, ЧТО ОНИ ИМЕЮТ РАЗНОЕ "ОЗНАЧАЮЩЕЕ", по-разному реализуются в речевом процессе и в разных формах "продукта", — ср. радио, телеграф, телефон, магнитную и грамзапись и др., А НА ТОМ, ЧТО ПЕРВАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ДРУГОЙ ЯВЛЯЕТСЯ "ОЗНАЧАЕМОМ". Подобно тому, как мы видим, воспринимаем реальный мир сквозь призму родного языка, так же мы "видим", воспринимаем его внутреннее строение сквозь призму своей системы письма. Письменный текст с этой точки зрения представляет собой "препарат" звукового сообщения, сообщение "подготовленное" для лингвистического анализа, продукт социальной рефлексии над языком.

5. Текст как естественный объект

Итак, "собственным" содержанием (означаемым) письменного текста является последовательность ЗНАКОВ данного языка. В наших системах письма непосредственно отображается выражающая сторона этой последовательности, а содержательная сторона (смысл) восстанавливается носителями языка по принципу знакового соответствия. Владение языком как знаковой системой предполагает умение на основании одной из сторон знака (любое) восстановить другую. В процессе говорения мы "сходим из содержания, которое хотим передать, и в соответствии с заданным содержанием конструируем выражение. В процессе слушания мы восстанавливаем знаковое содержание в соответствии с данным, полученным извне, знаковым выражением. В процессе чтения мы "сначала" восстанавливаем содержательную сторону буквенных символов, то есть план выражения заключенного в тексте сообщения. Разумеется, "сначала" и "затем" мы говорим условно, потому что эти акты имеют автоматический характер и ощущаются

нами как одновременные. И от осознательную отдельность мы ощущаем только при нарушении автоматизма (ср. неразборчивый почерк, текст на другом языке и др.).

Социальная значимость текстов заключается в той информации, которую они несут. Информацией я называю сейчас содержательную сторону сообщения, в отличие от самого сообщения, которое понимается как знаковая структура, "обозначаемое" текста. Эта информация по необходимости выражается ЗНАКАМИ языка. Знаки выступают как СРЕДСТВО фиксировать и передать некоторый смысл. С этой (социальной) точки зрения не важно, какие именно знаки (слова, морфемы, конструкции) были использованы, выбраны говорящим при построении сообщения (было ли, например, сказано или написано "волчиха" или "волчица", "приеду" или "я приеду", "бросился" или "кинулся" и т.д.). Важно лишь, чтобы на основании данной линейной последовательности звуков или букв восстанавливался определенный смысл, передавалась нужная информация. После того, как информация "извлечена" нами, донесшая ее знаковая структура нам более не нужна, наша память ее не хранит. Обычно мы легко воспроизводим полученную мысль, но делаем это "другими словами". Но для того, чтобы мысль могла быть извлечена из сообщения, строго необходимо, чтобы само сообщение было построено в соответствии с законами, правилами данной языковой системы, то есть "ПРАВИЛЬНО".

Естественно, что тексты, предназначенные передавать сообщения, выполняют свою социальную функцию именно постольку, поскольку "правильны" заключенные в них сообщения, поскольку они являются правильными высказываниями на данном языке, отвечают предъявляемым данным языком требованиям.

Именно это естественное свойство текстов и делает их объектом, пригодным для получения ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ информации, то есть информации о языке, на котором они написаны. Лингвисту как раз совершенно не важно то, что важно получателю текста: о чем сообщается в нем, верно или не верно передаваемые им сведения, существуют ли люди с пестрыми головами и т.д. Ему важно лишь, как "устроено" данное сообщение. Но это ему важно не само по себе, не ради данного сообщения, а лишь постольку, поскольку данное сообщение, данный текст является "правомочным представителем" открытого множества текстов данного языка. Поэтому, если некоторый язык,

интересующий лингвиста, представлен богатой коллекцией текстов (ср. современные европейские языки, китайский, японский, индийский и мн. др., имеющие огромную и многогранную письменность), из этих текстов для анализа избираются такие, правильность которых подтверждена обществом. Оценив каких-то писателей, авторов как "классиков", "мастеров слова", общество тем самым санкционирует нормы, принципы использования языковых знаков в написанных ими текстах. Лингвиста эти тексты интересуют прежде всего именно потому, что из них можно извлечь эти "образцовые" нормы.

Понятно, что лингвист, изучающий бесписьменный язык и вынужденный "создавать" для себя тексты, записывает речь по длинным носителям этого языка, а не тех, кто овладел им как вторым или третьим языком. Обычно, выбирая информанта, лингвист стремится к тому, чтобы последний вообще был монолингвом, знал только один язык, потому что второй язык, если он регулярно используется носителем, может оказывать искажающее влияние на родную речь.

К текстам лингвист обращается со всеми теми вопросами, с которыми, как мы видели, так трудно обратиться к носителям языка. Но, разумеется, эти вопросы "задаются" в совершенно другой форме. У носителя языка мы можем спросить "прямо": как вы говорите, "шкап", или "шкаф"? Мы можем спросить, но он обычно не может ответить, а если ответит, то мы не сможем проверить, не ошибся ли он. Пушкину, Гоголю, Паустовскому, Шолохову таких вопросов мы задать не можем, — но зато мы можем получить на этот вопрос объективный ответ, перечитав все, написанное этими авторами (если, конечно, это слово встретится в тексте).

Разумеется, это непомерно большая работа, — ради каждого слова, каждой формы, каждого окончания и т. д. перебирать огромное число томов. Поэтому неразумно ставить вопросы так узко. Они формулируются в гораздо более общей форме, — так, как формулируется научная проблема, для решения которой нам требуется знание подобных конкретных, единичных фактов. Как именно формулируются эти общие проблемы и как, исходя из них, формулируются конкретные вопросы, требующие проверки на эмпирическом материале, — это особый вопрос, рассматривать который сейчас мы не имеем возможности. Однако стоит обратить внимание на одно существенное отличие вопросов, которые мы можем обращать к тексту, от вопросов, обращаемых

к носителю языка. У текст мы можем спрашивать только о том, ЧТО ИМЕТ МЕСТО, что "происходит" ("произошло"), КАКИЕ формы употребляются чаще или реже и т. д. Но вопросы типа "ПОЧЕМУ" и "ЗАЧЕМ" к тексту обращать нельзя. На этот вопрос исследователь должен отвечать сам, сопоставляя между собой разные факты, извлеченные из текстов. Равным образом, мы не можем обратиться к тексту с вопросом, что МОЖНО и что НЕЛЬЗЯ на данном языке, что ЛУЧШЕ и что ХУЖЕ, ОДНО И ТО ЖЕ значит такие-то языковые формы или они различны по смыслу и т. д.

Все вопросы такого рода предполагают РЕФЛЕКСИЮ над языком и его формами. Способность к рефлексии обладает человек. Вопросы такого рода со стороны лингвиста могут стимулировать носителя языка на разные суждения, даже, если раньше он и не думал об этом. Его ответы могут быть очень интересны для лингвиста, ставящего своей целью изучение речевой деятельности, равно как и для психолога, изучающего эту деятельность несколько с другой точки зрения. Интересы лингвистики и психологии в этой области пересекаются, что и создает почву для формирования особой области знания — психолингвистики. Психолингвистика имеет особый предмет исследования, свои методы, свою проблематику. Для собственно лингвиста психолингвистические методы всегда являются лишь вспомогательными, служат средством проверки, уточнения некоторых выводов. Основу же его работы составляют анализ текстов.

Положение лингвиста, работающего с текстом, напоминает положение естествоиспытателя, который со своими вопросами обращается к природе, существующей вне его и независимо от него. Цель естествоиспытателя состоит в том, чтобы установить связи и взаимосвязи, существующие между явлениями и событиями, уловить и описать законы, которым подчиняется течение процессов в данной области. Цель лингвиста, исследующего текст, состоит в том, чтобы узнать законы, в соответствии с которыми построены сообщения, скрытые в текстах, обозначенные при помощи графических знаков.

Текст с точки зрения лингвиста — это не тот объект, с которым происходят какие-то интересные его процессы. Это не тот объект, который "ведет себя", ДЕЙСТВУЕТ тем или иным образом, — ср., например, проблему "поведения" частиц в физике, веществ и их

соединений в химии, органов в биологии и др. Определенным образом ведет себя", действует, конечно, АВТОР, субъект, носитель языка, который СТРОИТ текст, подчиняясь законам и правилам, им самим не осознаваемым. Но мы уже видели, что "поведение" носителя языка, говорящего, пишущего, слушающего или читающего, непосредственно интересует скорее психолога (лингвopsихолога), чем лингвиста.

Текст — это продукт речевой деятельности, ее результат. По этому результату лингвист стремится воспроизвести не деятельность, результатом которой явился текст, а законы, управляющие этой деятельностью, причем законы не психологические, а семиотические, то есть такие, которые ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА управляют "поведением" знаков.

Лингвист всегда исходит из представления о том, что существуют какие-то законы, правила, предписывающие человеку, как надо строить текст на данном языке. Эти законы, правила нам не известны. Но нам даны тексты, построенные людьми в соответствии с этими правилами. Поскольку мы не можем узнать у человека, в чем состоят эти правила, мы спрашиваем у текста, по каким правилам он построен. С одного или с другого конца, но мы идем к одному и тому же объекту, которым являются законы построения сообщений, заключенных в тексте.

Мне хотелось бы обратить внимание еще на один существенный аспект этой ситуации. На этих страницах мы не раз говорили о том, что тексты построены человеком, и одновременно о том, что поведение человека, строящего текст, лингвистика непосредственно не интересует. Несколько раньше мы говорили о том, что текст, будучи создан, — разумеется, создан кем-то и адресован кому-то, — получает относительно самостоятельное, независимое существование. Автор и адресат умирают, а текст остается и несет свою информацию любому, кто захочет и сможет его перечитать и понять. Лингвиста в сущности СОВЕРШЕННО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ, КТО написал данный текст, построил данное сообщение. Личность, имя автора может интересовать его только с одной точки зрения — поскольку оно позволяет локализовать текст, отнести его к определенной эпохе, установить место его среди других текстов. Текст для лингвиста ОБЕЗЛИЧЕН.

По существу, нам не важно не только то, КТО ИЗ ЛЮДЕЙ написал данный текст, но также и то, ЧЕЛОВЕК ЛИ написал, создал его. Разумеется, в наши дни никто и ничто, кроме человека, не может со-

здавать письменных текст в. I если мы представим себе, допустим, машину, которая порождает бы последовательности знаков, и такую, — порожденную машиной, последовательность, которую носители некоторого языка признали бы совершенно правильными, "нормальными" текстом своего языка, лингвистика могла бы оперировать с этим текстом точно также, как с текстами, написанными людьми.

Текст для лингвиста — это такое же "явление природы", как живые организмы — для биолога, вещества — для химика. Природы — живая, неживая, а также и "знаковая", "семиотическая" — СУЩЕСТВУЕТ, и все то, что в ней существует, как-то "построено", организовано. Задача науки — узнать, КАК это построено.

Некоторая разница между лингвистом и естествоиспытателем состоит в том, что естествоиспытатель знает, что нет, не было, не может быть никого, кто построил природу и кто мог бы ответить на вопрос, "как именно он это сделал". Пусть религиозная мысль предполагает создателя — бога, — но самый верующий ученый никогда не допускает мысли о том, что он может обратиться с молитвой к богу и бог сам откроет ему законы природы. Наука всегда исходит из того, что законы, по которым устроен наш мир, можно и нужно извлечь из самой этой конструкции.

Точно так же и лингвист принимает текст как ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ, существующий как бы "сам по себе", и отвлекается от того факта, что он построен каким-то известным ему или неизвестным — человеком, — Пушкиным, Юлием Цезарем, Мартином Лютером или каким-то безымянным жрецом Верхнего Египта.

Однако полностью отвлечься от того обстоятельства лингвист не только не может, но и не должен. При значительном сходстве ситуаций в естествознании и лингвистике между ними есть и существенное различие, связанное именно с тем обстоятельством, что текст создается не "богом" и не "сам собой", а человеком, членом определенного общества. Он создается для того, чтобы другие люди, члены того же общества, прочитали его. Понятный для членов данного коллектива, этот текст остается непонятным, "закрытым" для членов других человеческих обществ. За этим общеизвестным, тривиальным фактом стоят существенные различия в природе самих законов, управляющих природой и управляющих построением текстов. На этих различиях мы остановимся ниже.

У. ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЯЗЫКА.

1. Условный характер языковых законов

Когда мы говорим о природе и управляющих ею законах, мы исходим из постулата, что ничто, существующее в природе, не может существовать "по ошибке". Если нечто существует и ведет себя некоторым образом, то это происходит по законам природы, а не вопреки этим законам. Поведение объектов может противоречить нашим представлениям о законах природы, но это свидетельствует лишь о неполноте наших знаний, но отнюдь не о том, что природа нарушает свои законы.

Когда мы говорим о языке, о законах (правилах) построения текстов или устных высказываний, мы всегда знаем, что некто, написавши этот текст или произнесши высказывание — человек. Речь идет о человеческой деятельности, а человеку свойственно ошибаться.

Строя высказывание, человек может вольно или невольно нарушить правило, — оговориться, употребить не то слово, не ту форму, которая по законам данного языка должна быть употреблена в данном выражении для передачи данного смысла. Это может происходить по разным причинам. Так, например, одни молодые родители ради шутки в разговорах с маленькой дочкой вместо "яблоко" всегда говорили "тыблоко". Для девочки это было единственным названием предмета. К где она пошла в детский сад, другие дети, конечно, сразу уличили ее в ошибке.

Особенно много ошибок делают люди, для которых данный язык не родной. Вот, например, объявление, висевшее на китайском пляже для русских: "Лучше то, что плователи плавают вместе, развивая дух совместной мощи для предотвращения опасности" (это было предупреждением от далеких одиночных заплывов: в заливе могла появиться акула). Однажды на занятиях студент-китаец попросил у меня разрешения "закрыть рот", — по-китайски слово "коу" означает не только "рот", но также и "дверь", "окно", "отверстие", и он спроецировал эту семантику на ее звуковой эквивалент слова "коу" — "рот".

Но немало разнообразных ошибок делают и сами носители языка. Чаще всего мы замечаем ошибки против литературной нормы. С этой точки зрения шибочными являются многие формы и сочетания, допустимые в каких-то других подсистемах русского языка, в его территориальных и социальных диалектах, в других функциональных стилях, например, в просторечье: "только-то и делов!", "пирожок с мясой", "а ей нету дома", "экой ты гладыш" (толстый), "не хватило тысяча рублей", "когс едите" и др. Для нас сейчас важно не то, какое правило, какой системы оказывается нарушенным и почему, но только то, что нарушается правило той системы, на которую ориентирован говорящий в данный момент. Ошибки в этом смысле возможны и в диалектах, которые не знают фиксированных норм.

В том, что, строя высказывание, человек может ошибиться, для нас нет ничего удивительного, мы это хорошо знаем по своему опыту. Но тем самым мы знаем нечто существенное и о законах (правилах) языка, — именно то, что они МОГУТ быть нарушены. В отличие от законов природы, которым мы приписываем непреложный, безусловный характер, эти законы могут исполняться или не исполняться. Поэтому мы и называем их "законами-правилами".

Это свойство языковых законов (правил) является общим для всех законов и правил, действующих в обществе. В отличие от законов природы, эти законы можно назвать СОЦИАЛЬНЫМИ.

Социальные законы УСЛОВНЫ. Конечно, не следует думать, будто кто-то когда-то "разработал" эти условия и общество "приняло" их. Договориться заранее о правилах языка невозможно по

той элементарной причине, что "договариваться" — это уже значит "разговаривать" между собой, то есть пользоваться языком. Тем не менее Ж.Ж.Руссо, который выдвигал "теорию общественного договора" для объяснения происхождения человеческих языков, был не совсем неправ. В наивной форме он высказал мысли, которые кое в чем превосходили современное понимание природы языка.

Не вкладывая в это слово божественного смысла, мы сейчас можем говорить о "языковой конвенции", т.е. о некотором "соглашении" между членами общества, в основе которого лежит потребность общества (в лице всех его членов) в координации действий. Координация требует взаимопонимания, а взаимопонимание предполагает одинаковость правил, по которым все члены данного коллектива строят свои высказывания, сколь бы разнообразны ни были сами эти высказывания.

Поэтому всякое общество вынуждено заботиться о поддержании единства своего языка, о выполнении его членами принятых в данном обществе правил языкового поведения, подобно тому, как оно заботится о выполнении и других социальных норм, и чем выше уровень развития общества, чем сложнее его структура, а значит и социальная структура языка, тем острее потребность в унификации общения одного языка. У развитых народов (наций) эта потребность и вызывает формирование строго нормированного литературного языка.

2. Способы поддержания языкового единства

Возможность нарушения правил социального поведения всегда вызывает потребность в санкциях. В юриспруденции санкцией называется часть статьи закона, в которой указывается правовые последствия нарушения данного закона. В социологии это слово понимается шире, — и как поощрения, и как наказания, при помощи которых общество регулирует поведение своих членов.

В лингвистической сфере, разумеется, нет таких понятий, как "преступление" и "наказание", подразумевающих явный характер тех требований, нарушение которых карается. Языковые законы явно не формулируются. Однако всякое отклонение от общего стандарта, эталона, который признается правильным, чутко регистрируется языковым коллективом, оценивается им, и если эта

оценка отрицательна, то за ней следуют "наказания".

"Высшей мерой наказания" является здесь отлучение от общения, — мера, которая совершенно естественно, "по необходимости" следует за полным нарушением правил. Чем больше правил нарушает говорящий, тем непонятнее для окружающих становится его речь, и за каким-то порогом общаться с ним становится просто невозможным.

Более мелкие нарушения единообразных правил караются мягче. Вспомним неслестные эпитеты, характеризующие невнятную речь и ее носителей: "каша во рту", "резину (мочалу) жует", "гундосый", "шепелявый", "картавый" и т.п., а также многочисленные "дрезнилки", воспроизводящие произношение, манеру говорить, не принятые в одной части общества ("мы"), но характерные для другой ("они"), например, имитирующие диалектное произношение: "У нас в Рязани грибы с глазами: их ядят, а они глядят"; "Менный ковш упал на него, а на него-то холодно: и обинно, и досанно, ну да ланно, все онно".

Фиксируются членами общества и гораздо более мелкие отклонения от общенациональных норм и от того стандарта, которому следуем мы сами. Обычно, слушая речь мало знакомого человека, мы анализируем и оцениваем ее не только со стороны содержания, но и со стороны формы, и это дает нам немало оснований для суждения о самом человеке. Мы можем не осознавать отчетливо, какие именно отклонения от стандарта мы заметили, но по нескольким фразам мы отличаем образованного человека от необразованного, горожанина от крестьянина, догадываемся о районе, откуда он происходит, получаем некоторое представление о роде его занятий и о многом другом.

В устном общении взаимопонимание между людьми (разумеется, в тех пределах, в которых это практически нужно) достигается легче, чем в письменном. Этому способствует и окружающая обстановка, и жесты, и мимика. В непосредственном общении мы всегда можем тут же переспросить, если чего-то не поняли, не расслышали. К тому же, если взять труд проследить с этой точки зрения за чьим-то чужим разговором — особенно телефонным, — то нетрудно заметить, что люди многократно повторяют сказанное и без пе-

респроса, — слегка варьируя фразы, меняя отдельные слова и обороты, с разных сторон возвращаясь к сказанному.

Поэтому отдельные нарушения языкового уклада ("обычая", то-го, что общепринято) в устной речи обычно не мешают взаимопониманию, не тормозят процесса общения, а потому и не преследуются обществом. "В пальто" или "в пальте", "у ей" или "у нее", "к мне" или "ко мне", — в устной речи мы сразу поймем, что имеет в виду наш собеседник, и, если он взрослый, вряд ли станем учить его, что так говорить "нельзя". Что значит здесь слово "нельзя"? Ведь оно не имеет смысла. Раз он говорит, а мы понимаем, — значит, можно. "Нехорошо", "нам не нравится" — но ему нравится, он так привык, а переучиваться, может быть, уже поздно.

Другое дело, если нормы нарушаются человеком, которому, по его положению в обществе, положено говорить правильно. В этом случае мы возмущаемся им не потому, что не понимаем его, а потому, что он не выполняет тех требований, которые предъявляет к нему занимаемое им место, он передает не те речевые эталоны, которые обязан передавать.

Письменная речь в этом смысле — совершенно другое дело. Здесь вся информация, которой мы располагаем, заключена в тексте. Текст читается и понимается тем быстрее и легче, чем он "лучше" написан, — а "лучше" — это, прежде всего, и означает именно то, что он позволяет с минимальной затратой сил и времени извлечь из него максимальную информацию. С этой точки зрения короткие фразы в общем лучше длинных, русские слова лучше малоизвестных иностранных и т.д. Но это можно отнести также и к устной речи. Письменная речь предъявляет к пишущему целый ряд специфических требований.

Представим себе текст, написанный совсем без знаков препинания. Например:

"Но у него определенная черта ребочим ты инженерам вы а многие не старше нас оседи его по умному интеллигентно сказал Шура когда выпал орел я волновался как три опробования машины хотя руководителю тридцать пять лет но доктор наук величина".

Заметьте, сколько времени затратите вы, чтобы зяг смысл этих четырех строк! А ведь если бы знаки препинания стояли на

месте, все было бы понятно при самом беглом просмотре.

Если бы этот текст был прочитан, или то же самое было бы сказано в естественной речи, отношения элементов, слов и их сочетаний были бы выражены интонацией. Интонация всегда сопровождает человеческую речь, "включена" в нее и выражает чрезвычайно многое. Пунктуация не "заменяет" интонацию, но семиотическим способом преобразует этот "неуловимый" объект. Она принимает на себя лишь часть наиболее значимых функций интонации, и прежде всего — функцию синтаксического членения высказывания на отдельные взаимосвязанные определенным способом "блоки". Пунктуационные знаки служат нам "вехами", направляющими, организующими поиск адекватного синтаксического анализа фразы.

Близкую к этому функцию выполняют и правила орфографии.

Когда мы читаем, наш глаз, как нам кажется, скользит по строке слева направо, пробегая букву за буквой. Но все-таки читаем мы не столько "по буквам", только целыми словами. Глаз привыкает к целостным начертаниям слов и их частей, — суффиксов, окончаний, приставок. Поэтому постоянство написания слова — это эффективнейшее средство ускорения чтения.

Читая текст "про себя", мы внутренне "озвучиваем" его (специальные приборы позволяют даже уловить микро-артикуляции, микро-движения органов речи, соответствующие читаемым про себя букво-звукам). Однако воспроизводим мы таким образом тоже отнюдь не буквы (звуки, соответствующие данным буквам), а целые слова. Чтобы убедиться в этом, тоже можно сделать маленький опыт. Прочитайте, заметив время, следующий текст:

"Ришыно была шть пайэду кывановой йа. Бальшый, глубокый писатели вядли аэаруцце ат письминиве стала ради аэва олучийа".

Хотя эта запись гораздо ближе к реальному произношению, чем обычная орфографическая, мы (даже филологи) не можем ее свободно читать, естественно озвучивая про себя, — до тех пор, пока мы мысленно не "переведем" на "нормальный язык", не восстановим связь между приведенными здесь графическими образцами и известными нам словами. В обычной же записи эта связь дана нам естественным образом, она привычна, мы воспринимаем ее автоматически.

Именно этот АВТОМАТИЗМ и обеспечивается строгим соблюдением

орфографических правил. Поэтому и приходится каждому человеку в период обучения тратить столько времени и сил на овладение ими.

Длительность обучения орфографии и прочность орфографических навыков обуславливают собой КОСНОСТЬ системы орфографических правил. Всем сколько-нибудь старым, имеющим многовековую историю, орфографиям можно предъявить и часто предъявляют упрек о НЕРАЗУМНОСТИ. Этот упрек вообще трудно обсуждать: орфография не должна быть "разумной", — разумен может быть человек. Желательно, чтобы она была ЭКОНОМНОЙ, чтобы овладеть ею можно было за относительно короткий срок. Однако и это требование для старых орфографий вряд ли практически выполнимо. ВСЯКОЕ СКОЛЬКО-НИБУДЬ СЕРЬЕЗНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ орфографии чревато тяжелыми социальными последствиями. Оно породит огромную массу "неграмотных", на какой-то срок выведет из строя множество в важнейших институтах (печать, школа), оно может нарушить преемственность общения между поколениями, так как безусловно на значительное время замедлит процесс "потребления" людьми старшего поколения текстов, написанных по новой орфографии. Представителей младшего поколения оно может "отрезать" от культурной традиции "предков". Ведь даже отмена двух совершенно разных знаков, — твердого знака на конце слова и "ять" — и изменение правописания некоторых окончаний создала подобный разрыв между поколениями: современная молодежь уже с затруднением читает старые, дореволюционные книги "с ятями".

Книги, газеты, журналы играют огромную роль в современной культурной жизни общества. Поэтому неудивительно, что о поддержании правил письменного языка общество заботится особенно настойчиво и применяет к их нарушителям более суровые санкции, — вспомним о вступительном экзаменационном сочинении, которое согласно закону проводится в каждом, даже техническом вузе.

3. Социальное варьирование языка

Хотя всякое общество, как мы только что сказали, заботится о поддержании единства своего языка, низкое общество не может

добиться такого положения, чтобы все его члены полностью подчинились одним и тем же правилам построения высказываний. Полная унификация языка невозможна, так в этом и нет социальной необходимости.

"Микро-отклонения" от правил, господствующих в данный момент, не только постоянно имеют место, но они выполняют определенные социальные функции. Благодаря им осуществляется, с одной стороны, социальная дифференциация языка, с другой — интеграция.

Социальная дифференциация языка отражает социальную дифференциацию самого общества, фиксирует те социальные группы, которые порождаются в ходе естественного развития общества. Общество — это сложнейшая структура, состоящая из огромного числа субструктур, связанных между собой разнообразными отношениями, включенных друг в друга и пересекающихся между собой. В общем можно сказать, что каждая группа, начиная от семьи, характеризуется некоторыми особенностями языка. Эти особенности могут состоять в предпочтении каких-то слов и выражений, в специфике смыслов, которые вкладываются в те или иные общеупотребительные слова, в особой, только данной группе свойственной системе эфемизмов, меэфор, ассоциаций, привязанных к словам и выражениям, и т.д. Эти особенности локальных подязыков обычно быстрее всего улавливаются представителями других групп. Наряду с лексическими и лексикосемантическими особенностями обычно наблюдаются и фонетические, то есть своеобразие интонаций, особенности произношения отдельных звуков и слогов и др., и грамматические, состоящие в предпочтении определенных конструкций, определенных грамматических форм слов (в городе — в городе, туфель — туфель, маху — махаю, звонишь — звонишь, шоферы, столяры, скатерти — шофера, столяра, скатертя и многие тому подобные), моделей словообразования (лаборантка — лаборантша, доктор /женщина/ — докторша — докторица, волчиха — волчица и многие другие), словосочетаний, предложений.

Если мы посмотрим на язык с точки зрения ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ НОРМЫ, то все такого рода "отклонения" от нее представляются нам пестрой, неупорядоченной совокупностью "ошибок", причину

которых мы нередко бываем склонны объяснить недостаточным знанием "норм". Но это, конечно, недопустимо для ученого упрощения ситуации, вульгаризация. Ошибка, описка, оговорка — это понятия, с которыми, вероятно, может и должен работать лингвист-психолог, но не в каждой лингвистической ситуации ставит иные задачи.

Лингвист должен понимать, что наряду с "господствующей" нормой, то есть с такой системой правил, которая санкционируется, одобряется обществом В ЦЕЛОМ, пропагандируется и насаждается им через специальные институты (школа, печать, радио, телевидение, театр, кино и т.д.), существуют и более частные "нормы", ДРУГИЕ системы правил, не совпадающие с ней и более или менее осознанно противопоставляемые ей.

Двуязычные "дрезанилки", которые мы приводили выше, выражают языковое самосознание носителей одного из диалектов, неприятие ими тех правил построения речи, которые приняты у их соседей. Для носителя литературной речи "неправильной" представляется как та, так и другая система. Но для носителя диалекта, — по крайней мере в недалеком прошлом (до распространения радио, до коллективизации, т.е. пока сохранялся патриархальный уклад деревни, ее изоляция от города) — "странный", "чуждой", "гоподской" представлялась сама литературная речь. Вспомним, как в "Тихом Доне" Шолохова носители диалекта осудили Аксинью за употребление "господского" слова "здесь" вместо диалектного "тута".

Но подобные отношения по поводу языка возникают вовсе не только между носителями разных территориальных диалектов и литературного языка. Всякая относительно обособленная социальная группа "хранит" свои языковые особенности и осуждает языковую практику других групп ("не мы", "они"). Можно вспомнить рассказ Л. Толстого (в автобиографической трилогии) о том, как отвратительно показалась ему речь студентов-разночинцев, с которыми он столкнулся в университете, как возмутило его их словоупотребление, не похожее на то, к которому он привык в дворянской среде. Конечно, кого-кого, но Льва Толстого трудно упрекнуть в непонимании принципов организации русской речи, в неумении отличать "хорошее" от "дурного" — но тем не менее те формы, ко-

торые вызвали его возмущение, в очень значительной части вошли в современный литературный язык, вытеснив те формы, которые были милы его сердцу (ср. "нужно" — "надобно", "плохой" — "дурной" и т.д.) Ясно, что здесь имел место именно социальный конфликт по поводу языка.

Отношения по этому поводу складываются вовсе не только между антагонистическими группами населения (крестьянство — дворянство, дворянство — разночинцы и т.д.). С этой точки зрения стоит задуматься о природе социальных жаргонов, возникающих, существующих и развивающихся в наши дни. Примером такого жаргона может быть студенческий. Было бы странно думать, что студенты говорят "неправильно" потому, что не умеют говорить правильно, так, как требует норма, не знают нормативных значений слов и правил их соединения. Ср., например; "Душевно я покрала!" Конечно, сказавшая эту фразу девушка знала, что значит слово "душевно" в "разрешенных" сочетаниях типа "душевно поговорить", "душевно расположен" и др., знала, что "пократь" — не литературное слово. И фразу эту она обращала к тем, кто тоже все это знает, и знает, что ей это все известно. Таким образом, это не "ошибка", а преднамеренное нарушение строгих и сухих правил, рассчитанное на дополнительный эффект. Это своего рода "языковое озорство", которое в известной мере сродни поэтической игре со словом.

Свои жаргоны складываются в наши дни и в среде научных работников, прежде всего молодых. Они вырастают из общестуденческого жаргона, но в каждой группе специалистов обогащаются специфическими словами, идиумами прежде всего из специальной профессиональной терминологии, вовлекают в себя названия читаемых книг и статей, используемую в них фразеологию, нередко — неудачные обороты, "ошибки", ставшие общим достоянием, и т.д.

Таким образом, в каждый момент "единый" русский язык оказывается представлен НЕ ОДНОЙ, а МНОГИМИ системами правил, которые совпадают между собой в весьма существенной части, — ибо иначе стало бы невозможно взаимопонимание в рамках общества в целом, — но в то же время различаются и противостоят друг другу в других "частях", которые и определяют их специфику. Что "можно", "разрешено", "хорошо" в одной из этих систем, то может быть запрещено

в другой.

ИНТЕГРАЦИЯ — это процесс, отчасти обратный дифференциации. Это объединение, слияние, "стягивание" различных языковых подсистем в единую общую систему. Процессы дифференциации и интеграции языка в каком обществе взаимно дополняют и постоянно сопровождают друг друга.

Если бы дифференциация не сопровождалась интеграцией, то в сравнительно короткий исторический срок единство языковой жизни общества было бы разрушено, представители одних групп перестали бы понимать других.

В истории языков ситуации подобного рода, конечно, имели место. Они всегда сопровождают деление самих обществ, вычленение на севе одного материнского общества (племени, народности) двух или нескольких дочерних, — вспомним хотя бы историю славянских народов и их языков. Но во всех подобных случаях каждое вновь возникшее общество сохраняет все те свойства, которые необходимы любому обществу, чтобы существовать. Одним из таких свойств является внутренняя социальная организация: всякое сколько-нибудь развитое общество состоит из социальных групп, слоев, совокупностей, противопоставленных друг другу и дополняющих друг друга. Каждая субструктура выполняет в составе целого какие-то необходимые функции. Одна производит для всех (и в частности для себя) продукты питания, другая — одежду, третья — средства производства того и другого, четвертая производит знания, пятая передает их новым поколениям, шестая производит духовные ценности и т.д. Особая субструктура — институт семьи, в котором участвуют, в принципе, все индивиды, занятые и в других функциональных сферах, — воспроизводит физическую субстанцию общества — людей. Каждой из этих общих, а также и более частных субструктур соответствует определенная деятельность, определенный, отличающий ее от других, образ жизни, тип интересов ее членов, — а значит, естественно, и свой "субязык".

Эти субструктуры не могут существовать вне их взаимной связи, вне целого, в котором они функционируют. Не могут "разойтись", стать самостоятельными языками и субязыками, социальными диалектами,

используемые подобными группами. Поэтому далеко идущая дифференциация возможна только между племенными и территориальными диалектами. В процессе дифференциации общества эти диалекты (как, разумеется, и их носители) просто "расходятся", распределяются между двумя новыми обществами, каждое из которых "наследует" социальную структуру материнского общества в той мере, в которой это жизненно необходимо.

Отсюда следует, что дифференциация социальных (групповых) диалектов всегда сопровождается интеграцией. Это значит, что некоторые "частные" нормы, "правила", которые сегодня, вчера характеризовали языковые ОСОБЕННОСТИ тех или иных групп, завтра могут стать ОБЩИМИ, получить санкции общества в целом. История литературных языков, по существу, вся и состоит из перемен такого рода. Так, например, "акающее" произношение в XVII веке было приметой разговорной речи народных масс, "демоса". Но в конце XVII — начале XVIII века "акать" начинает уже царский двор, следы такого произношения находим в бумагах, писанных лично Петром I. Однако еще до начала XIX века "окающее" произношение сохраняет ореол поэтичности и остается нормой при театральном исполнении трагедий, чтении од. Только в пушкинский период "аканье" становится национальной литературной нормой. Коробившее Л. Толстого словопотребление студентов-разночинцев до конца XIX века характеризовало один из социальных диалектов, но к началу XX века стало литературной нормой. Крылов еще говорил и писал "домы", а в середине XIX века стало правильным говорить и писать "дома". В конце XIX века требовалось говорить "профессоры", "докторы", "инспекторы", сейчас мы говорим "профессора", "инспектора", "доктора", "учителя". Однако формы "офицера", "шофера", "токаря" мы сегодня считаем еще социально-диалектными, неприемлемыми в чистой литературной речи.

Таким образом, мы видим, что ВАРИАТИВНОСТЬ языковых правил, оказывается, очень тесно связана с их ИЗМЕНЧИВОСТЬЮ. Возможность нарушения этих правил, реализуясь, дает не просто "ошибки", но приводит к формированию "отклоняющихся субсистем", вариантов языковой системы, а эти варианты, взаимодействуя между собой, приводят к изменениям системы в целом.

4. Изменяемость языков во времени

Теперь мы подошли к с.звующему важнейшему отличию языковых законов (и, шире, вообще социальных законов) от законов природы. Однако, прежде чем говорить об этом отличии, нужно уточнить, что мы будем понимать под законами природы. Мы будем иметь в виду прежде всего "классические" законы физики и химии. Биологические законы занимают промежуточное положение между законами, действующими в неживой природе, и законами, действующими в обществе. Вопрос об отношениях между ними представляет самостоятельный интерес, но останавливаться на нем сейчас мы не можем. Общий смысл этого различия мы видим в том, что характер законов существенно обусловлен степенью сложности систем, которыми они управляют. Чем сложнее эти системы, тем вариативнее управляющие ими законы. Поэтому, чтобы яснее осознать специфику социальных, в частности, языковых законов, удобнее сравнивать их с законами, управляющими неживой природой.

Различие, которое мы имеем в виду, состоит в том, что законы природы имеют ВСЕОБЩИЙ характер, то есть действуют везде и всегда, коль скоро оказывается налицо тот комплекс условий, который предусматривается данным законом, то есть та ситуация, тот процесс, которым этот закон управляет.

Так, например, всякое тело, брошенное вверх с поверхности земли, полетит до определенной высоты и затем упадет на землю. Траекторию его движения можно рассчитать, если учесть вес (массу) тела, приложенную к нему силу, сопротивление воздуха, угол броска и т.д. Притяжение земли мы принимаем за постоянную; в неземных условиях она окажется иной, усложнится формула вычисления, — но сам закон останется неизменным. Точно так же определенным, предусмотренным образом будут вести себя жидкости в сообщающихся сосудах, где бы ни оказались эти сосуды. Поваренная соль будет растворяться в воде, кислота и щелочь по-своему действовать на лакмус и т.д. Это и имеют в виду, когда говорят о всеобщем характере законов природы, о том, что они не зависят от условий места и времени.

Социальные законы не так вы. Они действуют только в определенном масштабе. Языковые законы действуют в пределах, в масштабе данного языка. Иногда это ограничение называют "пространственным". Но это наименование условно. Дело, конечно, не в самом пространстве, понимаемом как широта и долгота земли, а в том, что это пространство занято определенным населением, данным народом, данным обществом, — которое как раз и определяется этим языком. Эта территория может меняться, становиться больше и меньше, а соответственно будет сужаться и расширяться пространственная сфера действия тех правил, которые определяют собой данный язык.

Это особенно очевидно на примере социальных диалектов. Социальные диалекты практически не привязаны ни к какой определенной части территории, занятой данным языком. Студенческий жаргон, жаргоны военнослужащих, научных работников и др. сосуществуют в одном городе, и в то же время с небольшими модификациями каждый из них представлен в разных городах, в разных частях страны.

Кроме ограничения в социальном пространстве, для систем языковых правил существуют и временные ограничения. С течением времени, как мы уже говорили, правила каждого языка меняются. Но эти изменения происходят очень медленно по сравнению с теми темпами, в которых протекает жизнь отдельного человека.

Каждое поколение, сходя с жизненной сцены, оставляет потомкам почти тот же самый язык, который оно получило от предков. Однако какие-то, почти не ощутимые, изменения за это время в нем все же произошли. На протяжении 5-6 поколений (считая на поколение по 30 лет) изменения становятся заметными уже не только для профессионала, но и для самих носителей языка. Однако и это время еще недостаточно, чтобы происшедшие в языке изменения стали серьезной помехой для общения ныне живущего поколения с предками, жившими полтора века, даже двести лет назад. Мы сейчас свободно читаем не только Пушкина и Лермонтова, но и Жуковского и даже Ломоносова. Тексты начала XVIII века, петровской эпохи образованный, но не имеющий специальной подготовки русский человек читает уже с трудом, по-настоящему же они доступны лишь специалисту.

Чтобы читать древнерусские тексты, — XII, XIII, даже XVI век, — нужно специально овладеть тем языком, на котором они написаны.

Хотя они написаны нашими прямыми предками, членами "того же самого" общества, к которому принадлежим мы, — РУССКОГО общества, эти тексты созданы по каким-то другим законам и правилам, то есть написаны на ДРУГОМ языке.

Эти два языка, две системы правил связаны между собой таким образом, что одна из них "превратилась", преобразовалась в другую. О том, что это "разные" системы, мы догадываемся потому, что, владея одной, не владем другой. Но сам процесс этого превращения проходил незаметно, и никогда не было на этом пути такой "точки", такого момента, где мы могли бы сказать: досюда — одно, отсюда — другое.

Но если так, то перед нами какой-то ОДИН объект, переходящий из одного состояния в другое, — точнее, в другие состояния, все время сменяющие друг друга, — целая длинная ЦЕПЬ СОСТОЯНИЙ, цепь постепенных, незаметных переходов "чего-то во что-то". Или, если посмотреть с другой стороны, перед нами ПРОЦЕСС, который тоже, как можно думать, совершается по какому-то или по каким-то законам. Но каковы эти законы, связаны ли они каким-то образом с теми законами (правилами), о которых мы говорили до сих пор?

5. Законы языка и законы изменения языка

До сих пор, говоря о языках, мы понимали язык как систему правил построения текстов. Каждая из таких систем очень сложна, включает в себя огромное количество отдельных правил, управляющих отдельными операциями. Все эти правила так-то, — нам неизвестно, как, — связаны между собой.

Когда меняется одно, два, три правила, язык остается для нас неизменным, мы этого не замечаем, точнее, пренебрегаем этим микро-изменением. Точно так же, если наш собеседник нарушает одно, два или три правила, мы считаем, что он правильно говорит на том же языке, что и мы. Если отклонения касаются большего числа правил (какого именно, мы, конечно, тоже не можем сказать), мы говорим, что язык изменился, если имеются в виду разные временные состояния языка, — или что наш собеседник

говорит на "странном", "сплощениом" языке — или на каком-то "диалекте". Если отклонений становится еще больше, мы говорим уже о "другом" языке.

Иначе говоря, мы оцениваем различия "оптом", на "макро-уровне", который есть уровень общения, взаимопонимания. Но всякое "макро-различие" складывается из большего или меньшего множества "микро-различий". Прежде чем говорить о макро-процессах, попробуем представить себе какой-нибудь микро-процесс, чтобы на этом сравнительно элементарном примере яснее увидеть различие между социальными законами (правилами) и законами природы.

Вспомним некоторые звуковые или грамматические изменения, известные из истории русского языка: первую или вторую палатализацию заднеязычных, развитие восточнославянского полногласия, возникновение и распространение аканья, переход Е в О в словах типа "берёза", утрату склонения типа "сын", исчезновение имперфекта и аориста и мн. др.

В каждом случае, когда мы говорим о каком-то историческом изменении языка, мы имеем в виду изменение какого-то правила или, точнее, целой группы (множества, системы) взаимосвязанных правил. Например, утрата аориста и имперфекта древнерусским языком означает утрату правил образования множества соответствующих личных форм от множества разнотипных глаголов, утрату правил употребления этих форм. Но тем самым, с необходимостью, не могут остаться не затронутыми изменениями системы правил, регламентирующих употребление других форм, смежных с данными в языковой системе, противостоявших тем, которые исчезают. Таковы, прежде всего, совершенные формы на "-Д", которые после утраты аориста и имперфекта принимают значение "обще-прошедшего", то есть начинают употребляться иначе, чем раньше. Изменения распространяются также на употребление видовых форм, на функционирование глагольных приставок, — оказывается затронута сфера словообразования, — и мн. др.

Чтобы яснее представить себе механизм этого процесса, выберем какой-нибудь хорошо известный нам и относительно простой процесс, протекавший в истории русского языка, — например,

первую палатализацию заднеязычных или переход Е в О.

Будем рассуждать так. В некоторый исходный момент времени в интервале между двумя крайними точками, начальным и конечным состоянием, в нашем обществе идет "соревнование", "борьба" между старым и новыми правилами. Одна часть общества уже перешла на новые правила, другая еще сохраняет прежние. Затем "волна" распространяется на другую часть общества, и на новой территории повторяется этот процесс, а тем временем на исходной территории, откуда пошла волна, может начаться новое изменение того же типа, которое уже легче пробивает себе дорогу. Например, сначала могло измениться правило произношения "К" перед "Иотом", затем — "К" перед "И" или "Г" перед "Иотом", затем процесс мог захватить "Х" и распространиться на заднеязычные перед другими передними гласными, — Ъ, "ять", а затем "Ю", передним носовым ("юс малый") и т.д.

Течение этого процесса, — точнее, этой группы процессов, — можно изобразить графически, — см. график I.

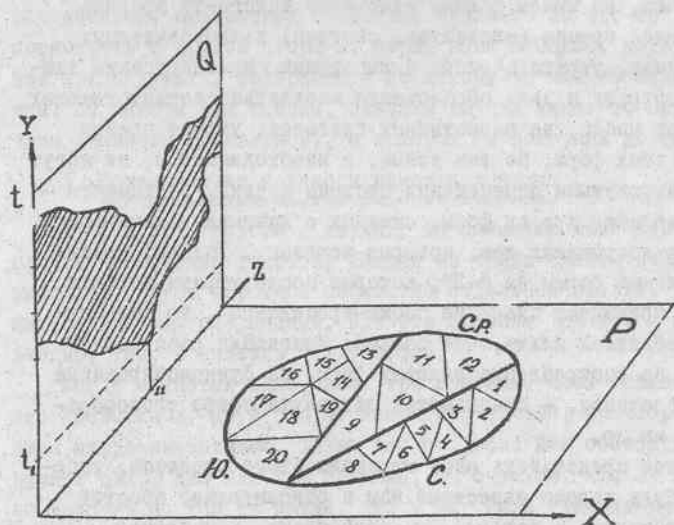

График I

На плоскости Р, — рауме тся, условно, — изображен некий язык "Z" (пусть это будет русский язык), который представлен тремя наречиями (назовем их северным /С/, средним /Ср/ и южными /Ю/). Границы между наречиями обозначены жирной линией. Каждое наречие представлено рядом диалектов. Диалекты можно мыслить как совокупности говоров, но этого мы на графике не отражаем.

Диалекты пронумерованы таким образом, что порядок номеров внутри наречия не перебивается: наречие С — диалекты №№ 1 — 8, наречие Ср. — №№ 9 — 12, наречие Ю — №№ 13 — 20.

На оси Z мы строим линейную проекцию этой системы, представляя все диалекты отрезками равной длины.

По оси Y откладываем время (в столетиях).

Пусть некое отклонение от ранее действовавшего закона (правила) впервые зафиксировано в момент времени t , в диалекте № 11. Фиксируем это на вертикальной плоскости Q и затем будем "следить", как распространяется это изменение на остальной территории данного языка то есть на множестве остальных диалектов. Естественно ожидать, что "волна" распространится на соседние диалекты в рамках наречия, затем захватит все наречие, затем перейдет на подгруппы диалектов других наречий и в конце концов захватит весь язык. Однако вполне возможно, что ее распространение не будет полным, — ср., например, аканье.

Однако по прошествии некоторого времени в какой-то точке, — вполне вероятно, что в новой, — может возникнуть новое отклонение, в частности, от того правила, которое "воцарилось" в результате описанного изменения. Например, правило произношения "НОШКА" может смениться правилом произношения "НОШКА", как это и произошло в русском литературном языке и большинстве других говоров. Если мы захотим этот новый процесс разместить на нашем графике, мы должны будем провести новую кривую по соответствующим, более поздним координатам времени. Эта кривая будет верхней границей изображения, которое будет соответствовать "закочу" (правила) произношения ШЬ, ЪЬ и ЧЬ на месте более ранних X^B , Г^B, К^B.

Это графическое представление, как мне кажется, помогает яснее представить себе ограниченную "протяженность" языковых законов (правил) во времени и в социальном пространстве. Законам природы подобные графики сопоставлены быть не могут, — они занимают все пространство и все время вселенной.

6. Изменение языковых законов и законы изменения языка
(процесс, картина процесса, закон)

"Законы языка меняются", говорим мы. "Язык развивается". И иллюстрируем это утверждение многочисленными примерами изменений того типа, о которых мы говорили выше. Эти изменения состоят в том, что на смену одному закону (правилу) приходит другой, одной группе законов (правил) — другая. Никакие законы, никакие правила, действующие в том или ином языке, не вечны. Они возникли когда-то, и когда-то необходимо исчезнут, перестанут действовать. В каждый момент на каких-то участках языка происходит борьба нового со старым, что-то отмирает, что-то зарождается, крепнет и побеждает. Язык никогда не пребывает в состоянии покоя и равновесия, — хотя, с другой стороны, "хаос" в нем никогда не переходит той границы, за которой начинается дезинтеграция общества, взаимное непонимание между его членами.

Когда мы ретроспективно восстанавливаем исторический путь, протеченный тем или иным языком, мы фиксируем, описываем именно этот процесс смены действовавших в нем правил-законов, устанавливаем, до какого времени действовал некий закон (правило)-Q, когда начинает действовать закон (правило)-I, в каких конкретных условиях действует данное новое правило, каковы границы его применения. Мы ищем и обычно находим емкие, законные формулы, позволяющие экономно описать происшедшее изменение. Так, например, формула $t'et + t'ot$ описывает "закон перехода Е в О", то есть процесс, протекавший в русском языке в XVI веке.

Вдумаемся в тот смысл, который приобретает здесь слово "закон". Это явно не тот смысл, который мы имели в виду, говоря о законах-правилах. Приведенная формула читается: "звук "Е" в

положении после мягкого огласного перед твердым согласным переходит в О; условия окружения при этом не меняются". Последнее добавление в этой формулировке обычно опускается, но подразумевается, — ср. $Kb \rightarrow ЧА$, где такого опущения сделать нельзя: передний гласный "б", вызвав переход заднего язычного "к" в шипящий переднеязычный "ч", сам под влиянием последнего переходит в переднее "а".

Обе эти, как и другие, формулы, фиксирующие фонетические законы, описывают определенные фонетические изменения, происшедшие в некотором (в данном случае русском) языке в какой-то определенный период, "момент" времени. Иначе говоря, они фиксируют исторический ФАКТ, — факт истории данного языка, его звуковой системы. То фиксировать факт, имевший место в истории некоторого языка — значит ли это фиксировать ЗАКОН?

Закон фиксирует не то, что есть, что произошло, а то, что должно происходить с необходимостью, что всегда происходит при наличии определенных условий. Удовлетворяют ли этому требованию, ожиданию фонетические законы?

И да, и нет. Хотя они, как мы сказали, фиксируют "факт", но это не единичный факт, за ним стоит регулярный фонетический процесс. Приведенная нами формула означает, что переходу в О подвергается не один какой-то языковой звук как элемент фонологической оболочки отдельного слова или морфемы, а все звуки этого класса, во всех словах и морфемах русского языка, содержащих этот звук в определенный момент времени. В действительности сфера действия этого закона была несколько уже, — он действовал в разговорном русском языке, то есть в одной (хотя и основной) разновидности общенародной системы, и ограничивался действием других законов, в частности, аналогии, — но от этого мы сейчас отвлечемся. Будем считать, что он распространяется на все фонологические объекты и охватывает всю совокупность русской речи.

Действие этого закона отчетливо ограничено во времени. К тому времени, когда вступил в действие другой фонетический

закон - $\acute{b} \rightarrow \text{Е}$, то есть превращение " \acute{b} " как особого звука в Е, которое имело место во всех позициях, при всех условиях окружения, - закон перехода Е в О уже "исчерпал себя", почему слова типа БЕЛЫЙ, ХЛЕБ, БЕС, ХРЕН и др., в прошлом содержавшие не Е а \acute{b} , содержат под ударением, после мягкого перед твердым не О, а Е.

Совершенно аналогична ситуация с первой и второй палатализацией заднеязычных. По закону первой палатализации все заднеязычные в положении перед передними гласными перешли в шипящие, - то есть русских слов, содержавших сочетания типа "ки", "ке", "к \acute{b} " и др. не осталось. Но в то время в окончании, например, местного падежа был дифтонг "oi" (-ai), начинавшийся не передним гласным. Перед ним "к", "г", "х" сохраняли свое качество: "рук-oi", "ног-oi", "мух-oi". В некоторый момент времени oi перешло в \acute{b} . Казалось бы, перед \acute{b} заднеязычный должен перейти в шипящий, - однако история показывает, что он почему-то "не хочет" переходить в шипящий, а переходит в свистящий ("все в руч \acute{b} божией").

Эти примеры интересны и показательны не потому, что демонстрируют ограниченность законов во времени. Это как раз можно было бы объяснить, - ведь законы перехода "исчерпывают" себя, переводя в новое состояние все объекты, подлежащие переходу. Они интересны именно потому, что показывают, как один и тот же (?) комплекс условий в разные исторические моменты порождает РАЗНЫЕ фонетические процессы; один раз К перед \acute{b} переходит в Ч, другой раз - в Ц. То, что можно и должно "здесь" и "сейчас", становится не должным и даже невозможным в другое время в той же языковой системе или является таковым в другой. Это значит, что за фонетическими, как и вообще языковыми, законами не стоит жесткой необходимости, - или, если сказать иначе в состав условий, определяющих процесс изменения, входят, кроме локальных условий, также и общие, то есть отнесенность процесса к данному, уникальному состоянию данной языковой системы. В период между действием законов $\text{К} \rightarrow \text{Ч}$ и $\text{К} \rightarrow \text{Ц}$

система славянского языка перешла в другое состояние, стала другим объектом.

Мы рассмотрели в качестве примера один процесс. Но пусть мы располагаем описаниями всех процессов, которые произошли за весь известный нам период существования нашего языка, начиная от общеславянского или даже от индоевропейского состояния. Означает ли это, что мы знаем ЗАКОНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКА?

По-видимому, никаким образом не означает. ЗАКОНЫ - это то, что УПРАВЛЯЕТ некоторым процессом. Чтобы осознанно употреблять слово "закон", нужно четко соотнести его с тем процессом, которым он управляет. Когда мы говорим о законах (правилах) построения высказываний, им соответствует множество реальных процессов высказываний, т.е. речь на этом языке. Сейчас мы говорим о других процессах - о других законах. Речь идет о процессе изменения этих первичных законов-правил, - а соответственно она должна идти и о законах, управляющих этими изменениями. Изменение и закон, управляющий изменением - это не одно и то же.

Для того, чтобы более четко разграничить эти объекты, взглянем с этой точки зрения на организм. Организм - животные, люди - прежде всего живут, то есть действуют, функционируют биологически: думают, едят, спят, передвигаются и т.д. Это один тип процессов, которые представляют интерес для биолога и описываются им в его понятиях, объясняются через определенные биологические законы. Но, кроме того, организмы существуют во времени, и с этим обстоятельством связаны определенные изменения в "субстанции" организмов и в способах их функционирования: в эмбриональный период протекает формирование организма, в послеплодный период организм растет, затем стареет и умирает. Можно искать законы, управляющие этими процессами и устанавливать их отношение к законам первого типа. Но мы знаем также, что изменения происходят не только с отдельными организмами, но и с общим множеством форм биологической жизни на Земле, и эти изменения имеют закономерный характер. Мы можем искать и

и эти законы - законы биологической эволюции.

По аналогии с биологическими законами можно предполагать, что существует не один, а много типов законов, управляющих знаковыми объектами и системами, в частности, естественными языками: законы функционирования, законы изменения данной системы, а также - шире - всех систем данного типа, законы, по которым эволюционирует общее множество языков земли. Понятно, что когда мы говорим о законах изменения, развития языков, слово "закон" получает уже иной смысл, и сами эти законы имеют иную природу, чем законы построения текста. Когда шла речь о законах-правилах, мы могли сказать, что они не непосредственно локализованы в общественном сознании, а опосредованно - в сознании носителей языка, которые руководствуются ими в своем речевом поведении. Когда идет речь о законах изменения этих законов, так говорить мы уже не можем. По этому вопросу у носителей языка нет ни непосредственного, ни опосредованного знания. Носители языка вообще не подозревают, что в языке могут протекать и протекают какие-то процессы и что существуют какие-то закономерности, управляющие этими процессами. Эта проблема возникает только перед наукой о языке.

Объект исследования в свете этой проблемы должен мыслиться как ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ "законов первого ранга", то есть законов-правил построения высказываний на языке. При этом, естественно, сами эти правила, - и те, которые "отменяются" изменением, и те, которые их заменяют, - нужно предположить ЗАРАНЕЕ ИЗВЕСТНЫМИ, ДАННЫМИ, а не искомыми. Известны должны быть и отношения перехода между данным "отменяемым" и данным "новым" правилом. Если ИСКОМОЕ - это ЗАКОНЫ, управляющие процессом, то КАРТИНА ПРОЦЕССА, то, каким он нам дан посредством наблюдения, как мы представляем себе его вероятное течение, - всё это должно быть предварительно в общих чертах известно.

Синхронная лингвистика, изучающая законы "первого ранга", благодаря письму, имеет "картину" своих процессов, фиксирован-

ную текстами. Диахронная лингвистика, изучающая исторические изменения, эволюцию языков, тоже располагает текстами, из которых черпает свою информацию. Но так как задача ее иная, ей, естественно, нужен и существенно иной "препарат", другой способ для построения общей картины объекта (онтологии).

Этим объектом является не "функционирующий язык" (представленный текстами), а ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ, пройденный языком, (или, шире, исторические пути, пройденные множеством языков).

Человек, живущий короткое время, естественно, не может непосредственно наблюдать этого пути. Восстановить его можно путем целенаправленной лингвистической работы, состоящей в сопоставлении разных временных и пространственных состояний системы, в истоках своих "одной и той же". Состояния эти, по крайней мере некоторые, должны быть зафиксированы в текстах, написанных в разное время. Изучая - через тексты - разные пространственно-временные состояния некоторой фиксированной языковой системы (например, русского языка, восточнославянского языка и его "потомков"), а также используя выработанные лингвистикой на протяжении длительного времени специальные методы, позволяющие на основании более поздних состояний языковой системы восстанавливать более ранние состояния (методы реконструкции), можно получить необходимые знания об этих процессах, представить себе конкретное их протекание.

Благодаря огромной работе, проделанной лингвистами сравнительно-исторической школы, мы располагаем сейчас знанием о том, КАКОВ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ, пройденный различными индоевропейскими языками, какие законы-правила действовали в каждом из них в тот или иной момент времени, какие правила приходили на смену каким, каков был географический диапазон и какова была временная протяженность тех или иных законов "первого ранга". Так, например, мы знаем, что закон открытого слога действовал в масштабе общеславянского единства, но не пересекал границы балтийской общности; что первая палатализация, распространившаяся на всё славянство, во времени предшествовала

монофтонгизации дифтонгов и второй палатализации, которая во времени следовала за монофтонгизацией, а не предшествовала ей. Знаем, что монофтонгизация дифтонгов с сонантами "р" и "л" в положении между согласными (т.е. в сочетаниях типа **torst*) протекала по-разному в разных частях славянского мира, и знаем формулы перехода для каждого славянского языка, знаем время протекания этих процессов и т.д.

ИТОГОМ исследований этого типа являются, во-первых, ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАММАТИКИ ("грамматика" условно включает в себя и описание фонетических процессов) ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ, во-вторых, - сравнительно-исторические грамматики отдельных ГРУПП ЯЗЫКОВ (восточно-славянских, всех славянских, славяно-балтийских и т.п.), в-третьих, СЕМЕЙ ЯЗЫКОВ, т.е. максимальной, самой полной совокупности языков, родственных между собой.

История языков индоевропейской семьи описана относительно очень подробно, но остальные языковые семьи с этой точки зрения описаны ещё далеко не достаточно. Работы в этом направлении, разумеется, ведутся.

Для того, чтобы яснее представить себе суть этой проблемы, которую мы назвали проблемой познания ЗАКОНОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВ, предположим, что все эти не выполненные работы уже выполнены и мы располагаем детальными описаниями исторических путей ВСЕХ или хотя бы очень многих языков Земли.

Тогда мы смогли бы, положив перед собою множество таких описаний, спросить: каковы же те законы, которые управляли ходом процессов, описанных в каждой из этих книг? Каждая книга описывает ОДИН из этих процессов, и НИ ОДИН из них в точности не совпадает с другим. Но все они описывают В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ ОДИН И ТОТ ЖЕ ПРОЦЕСС - процесс изменения (развития) ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА. Значит, между этими разными процессами должно быть что-то общее, они должны подчиняться каким-то общим законам, искать которые мы должны.

Таким образом, ОБЪЕКТОМ НАБЛЮДЕНИЯ (анализа) в этом случае оказываются не тексты, написанные на данном языке, а тек-

ты, написанные ОБ ЭТОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ИСТОРИИ.

Понятно, что в данном случае мы имеем дело с особой лингвистической дисциплиной, которая в наши дни находится ещё в стадии становления.

Законы и языковой эволюции по своей природе, возможно, родственны законам биологической эволюции. С ними должны иметь параллель в законах развития других естественно сложившихся социально-семиотических систем, - таких, как само общество, различные искусства, возможно - религии и др. Но законы развития этих систем познаны наукой ещё меньше, чем законы развития языков, поэтому лингвистика должна быть наукой, прокладывающей путь исследованиям этого типа.

VI. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НАУКИ (НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ)

Общая проблема, которую мы должны были рассмотреть, была названа "язык как объект науки". Теперь подведём некоторые итоги тому, что было сказано по этому поводу.

Ответить на вопрос - что такое язык как объект науки, это значит ответить, что изучает и что должна изучать наука о языке. Она должна изучать прежде всего те законы-правила, которые управляют речевым поведением людей.

Эти законы (правила, хранятся в общественном сознании того коллектива, который пользуется данным языком. Индивиды, члены данного общества, усваивают эти правила и хранят их в своем индивидуальном сознании, в той части структуры сознания, которую называет "подсознанием". Знание этих законов (правил) имеет непосредственный характер, оно не осознается носителями языка как "знание", отличное, отдельное от речевого поведения. Оно не может быть сформулировано ими, высказано в словесной форме, - оно обнаруживает себя только в речевой практике.

Основной путь к исследованию этих законов-правил лежит

через изучение текстов, в которых правила воплощены. На основании "продукта" речевой деятельности, о которой мы знаем, что она подчинялась определенным правилам, мы должны выяснить, каковы эти правила, в чем они состоят, и описать их с помощью понятий и терминов своей науки, то есть в принципе так же, как физик формулирует свои законы, химик — свои, биолог — свои.

Таким образом, законы-правила, имплицитно (неявно) заключенные в текстах, "данные" нам через тексты, — это и есть для лингвиста то неизвестное, которое он должен сделать из явным. Это неизвестное мы и называем ОБЪЕКТОМ своей науки.

Объект всякой науки существенно определяется той задачей, которую эта наука ставит перед собой. До тех пор, пока задача никак не сформулирована, об объекте науки (или отдельного исследования) вообще нельзя говорить. Мы охарактеризовали только что ОСНОВНУЮ задачу языкознания, и соответственно этому определили ОСНОВНОЙ объект лингвистического исследования. Но языкознание ставит перед собой и другие задачи, которые всегда тесно связаны с этой первой задачей и в некотором смысле производны от нее. В соответствии с этим меняется, варьируется и УСЛОЖНЯЕТСЯ содержание понятия "ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НАУКИ". Однако то содержание, которое мы охарактеризовали выше, всегда входит в содержание этого понятия как важнейшая составная часть.

Так, например, науку может интересовать не только то, каковы правила, действующие в данном языке, но и то, как эти правила хранятся в сознании индивидов, носителей языка, каков механизм, позволяющий носителям языка автоматически, безотказно использовать сложнейшую систему этих правил для выражения самых разнообразных мыслей. При такой формулировке задачи объект исследования должен мыслиться как "система языковых правил, которая каким-то известным нам (искомым нами) способом хранится в сознании индивида". Этому специфическому объекту соответствует особая научная дисциплина — психолингвистика. Объектом наблюдения в ней является не текст, а индивид.

Может и должно интересовать науку также и то, как варьируется система правил данного языка в социальном пространстве данного общества: какие территориальные, племенные, социальные диалекты используются членами данного коллектива, существует ли унифицированная, нормативная общенациональная система (литературный язык), что представляет собой система социальных диалектов, какова степень социальной дифференциации языка, сколь сильны и интенсивны в нем интеграционные процессы и др. В соответствии с этой задачей объект исследования предстает как "система языковых правил, варьирующаяся некоторым неизвестным (искомым) способом". В зависимости от того, какой из типов варьирования нас интересует, этот объект может ограничиваться и уточняться. Изучением территориального и племенного варьирования занимается одна лингвистическая дисциплина, диалектология, изучением социального варьирования — другая, социалингвистика.

Если мы захотим узнать, как сложилась, сформировалась данная система правил, восстановить пройденный ею исторический путь, то объект исследования предстанет перед нами как "система правил, которая переходит из одного состояния в другое, сменяющие друг друга во времени", то есть должны будем увидеть свой объект (язык) ПРОТИВЛЕННЫМ ВО ВРЕМЕНИ. Объектом наблюдения для получения интересующих нас знаний в этом случае будут тексты, — множества текстов, сгруппированных таким образом, что отдельные подмножества характеризуют собой определенные, сменяющие друг друга системы.

Конечно, мы перечислили только небольшую часть тех типов задач, которые могут быть поставлены относительно языка. В действительности эти типы очень разнообразны, и каждому из них соответствует свой "поворот", свое "превращение" объекта исследования.

Однако во всех случаях ОБЪЕКТОМ науки (научной дисциплины, отдельной группы исследований, отдельного исследования)

мы называем какое-то ЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, в котором мы выделяем определенную, интересующую нас СТОРОНУ, — искомое, то, что мы хотим узнать. Эта сторона нам не известна, — иначе незачем было бы проводить исследование. Но она мыслится нами как сторона явления (множества явлений), которое доступно нашему наблюдению.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики. М., Просвещение, 1966. Часть I, гл. I ("Из истории структурной лингвистики", стр. 7-77)
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИИЛ, 1955.
3. Блумфильд Л. Язык. М., Прогресс, 1968. Гл. II "Использование языка", стр. 35-56; гл. XVII "Письменные памятники", стр. 311-327.
4. Бодуэн де Куртоне И.А. Введение в языковедение. Избранные труды по общему языкознанию. т. П. М., 1963.
5. Вандриес Ж. Язык. М., Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования. М., 1956.
7. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.
8. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., изд. МГУ, 1962.
9. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., Просвещение, 1963.
10. Истрин В.А. Развитие письма. М., АН СССР, 1961.
11. Коменский Г.В. Логика и структура языка. М., Высшая школа, 1965.
12. Кондратов А. Звуки и знаки. М., Знание, 1966.
13. Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письмены. М., Наука, 1970.
14. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
15. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., Просвещение, 1969.
16. Общее языкознание. М., Наука, 1970.
17. Пауль Г. Принципы истории языка. М., ИИЛ, 1960. Введение, стр. 25-44; гл. I "Общие замечания о сущности языкового развития", стр. 45-57; гл. XXI "Язык и письмо", стр. 441-458.
18. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание, М., 1931

19. Погодин А.Л. Язык как творчество (психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка. Харьков, 1913.
20. Потебня А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
21. Смирницкий А.М. Объективность существования языка. М., изд. МГУ, 1954.
22. Де Сошюр Ф. Курсы общей лингвистики. ОГИЗ, союзгиз, 1933.
23. Сэпир Э. Язык. М., 1934. Гл. VI "Типы языковой структуры".
24. Тростников В.Н. Человек и информация. М., Наука, 1970.
25. Шафр А. Введение в семантику. М., ИИЛ, 1963. Гл. "Знак, его анализ и типология".
26. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
27. Щерба Л.В. Преподавание иностранного языка в средней школе. М., 1947.

Сборники

28. Вопросы статистики речи. М., 1958.
29. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях (ред. В.А. Звегинцев). ч. I, М., 1964 (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Б. Дельбрюк, И.А. Бочуэн де Куртене, Э. Бенвенист). ч. II, М., 1965 (А. Гардинер, К. Бюлер, С. Карцевский, А. Сешев, Л. Ельмслев, Б. Уорф, Л. Щерба, Р. Якобсон, Е. Курилович).
30. Новое в лингвистике.
 Вып. I, изд. иностр. л-ры, М., 1960 (Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка);
 Вып. III, изд. иностр. л-ры, М., 1962 (Э. Коэриу, Синхрония, диахрония, история; гл. II Абстрактный язык и конкретный язык, Язык как исторически обусловленное "умение говорить", стр. 156-182; А. Мартине, Основы общей лингвистики, гл. I, Лингвистика, язык, и языки, стр. 368-391);
 Вып. IV, изд. Прогресс, М., 1965 (Э. Бенвенист, Уровни лингвистического анализа, стр. 434 и след.);
 Вып. V, изд. Прогресс, М., 1970 (У. Вейнрейх, О семантической структуре языка, стр. 163-250; С. Ульманн, Семантические универсалии, стр. 250 - 293; Г. Хеннигсвальд, Существуют ли универсалии языковых и членений? стр. 77-104.

31. Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.
32. Язык и мышление. Наука, 1967. Статьи: В.С. Юрченко "О взаимосвязи мышления, языка и речи на коммуникативном уровне", стр. 136-152; Г.П. Мельников "Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи", стр. 232-243 и др.
33. Язык и речь. Тезисы докладов межвузовской конференции на тему "Язык и речь" 27 ноября - 1 декабря 1962 г. М., 1962.
- С т а т ь и
34. Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речевой вероятности и языка. - Вопросы философии, 1963, №3.
35. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. В об.: Исследования по общей теории грамматики. М., Наука, 1968.
36. Горнунг Б.В. Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук. - Вопросы языкознания, 1960, №4.
37. Горнунг Б.В. О характере языковой структуры. - Вопросы языкознания, 1959, №1.
38. Григорьев В.И. Что такое дистрибутивный анализ? - Вопросы языкознания, 1959, №1.
39. Ветров А.А. Лингвистика, логика, семиотика. - Вопросы философии, №12.
40. Зализняк А.А. Опыт анализа одной относительно простой знаковой системы. - В об.: Структурно-типологические исследования. М., 1962.
41. Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях. - Вопросы языкознания, 1957, №1.
42. Зиновьев А.А. Об основах абстрактной теории знаков. - В об.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
43. Иванов В.В., Топоров В.Н. Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы. - В об.: Структурная типология языков. М., Наука, 1966.
44. Исаченко А.В. О грамматическом значении. - Вопросы языкознания, 1961, №1.
45. Климов Г.А. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка. - Вопросы языкознания, 1959, №2.

46. Колшанский Г.В. В чем различие знаковых систем? (О специфике языковых знаков). - Вопросы философии, 1960.
47. Колшанский Г.В. О правомерности различения языка и речи. - В сб.: Иностранные языки в школе. Вып.3, М., 1964.
48. Кузнецов П.С. О языке и речи. - Вестник МГУ, серия УП, 1961, № 4.
49. Лоскутнев А.Н., Леонтьев А.А. О двойном аспекте языковых явлений. - Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1959, № 2.
50. Ломтев Т.П. Язык и речь. - Вестник МГУ, серия 7. 1961, №4.
51. Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала. - В сб.: Структурно-типологические исследования, М., 1962.
52. Ревзин И.И. Развитие понятия о структуре языка. - Вопросы философии, 1969, № 8.
53. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. - В сб.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.
54. Рубинштейн С.Л. К вопросу о языке, речи и мышлении. - Вопросы языкознания, 1957, № 2.
55. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., МГУ, 1954.
56. Щедровицкий Г.П. "Языковое мышление" и его анализ. - Вопросы языкознания, 1957, № 1.
57. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. - Известия АН СССР, М., 1931.

Майя Ивановна Черемисина

ЛЕКЦИИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ
Язык. Речь. Текст.

Ответственный редактор А.И. Федоров

Подписано в печать 13.1.1971. МН 07015.
Бумага 60x84,1/16. Объем 7,25 п.л. Т. 400.
Заказ 73. Цена 30 коп.
Ротапринт НГУ Новосибирск, 90